

Мансуров Андрей

18+

Под игом чудовищ

Тёмное фэнтези

Андрей Мансуров

Под игом чудовищ. Книга 2

«Автор»

2019

Мансуров А. А.

Под игом чудовищ. Книга 2 / А. А. Мансуров — «Автор», 2019

Во второй книге цикла рассказывается о том, как армия Тарсии переходит наконец к масштабным боевым действиям и ей даже удаётся добиться некоторых успехов, уничтожив часть войск врага и оккупировав часть его земель. Однако основная цель - захват лорда Хлодгара! - пока не достигнута, и ему удаётся бежать, бросив свою супругу и замок. А ещё в подвалах покинутой твердыни обнаружено настоящее сокровище - древняя машина, возвращающая здоровье и молодость. Вокруг неё и возможности воспользоваться этим "чудом" и разворачиваются интриги, драматические события и поистине чудовищные преступления...

© Мансуров А. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Под игом чудовищ	5
2.Полковник	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Под игом чудовищ

2. Полковник

Они гнали его, растянувшись широкой цепью, плотной настолько, что не было никакой возможности спрятаться, или отсидеться в рощах и дубравах, что встречались на пути. А когда рассвело, надежда на то, что можно будет где-нибудь затаиться, переждать, или сбить преследователей со следа, и вовсе растаяла – подобно капелькам росы под лучами жаркого летнего солнца.

Но он всё равно пытался если не убежать, то – оттянуть насколько возможно момент, когда его настигнут. Или перекроют все возможные пути бегства. Бежал расчётливо: не самым полным ходом, то есть – не так, чтоб быстро обессилить, и рухнуть на землю выдохшимся полутрупом, хотя тело сейчас и требовало именно этого...

Знал он лишь одно: на юг, к дому, ему бежать ни в коем случае нельзя: там соратники. Друзья. Братья по оружию. Да и просто – люди.

Потому что те, кто преследовали его, неумолимо, вносясь в оставленные сапогами на поверхности земли следы, когда он скрывался из глаз, или уставившись на него, когда он оказывался в пределах прямой видимости – не люди.

Они – монстры. Чудовищное порождение машин чёрного Властелина.

И пока что ему удаётся ускользать от них, избегая ловушек и встречных многочисленных отрядов только потому, что его ноги – тренированной, крепче, да и просто – длиннее, чем у них! И в могучих лёгких помещается больше воздуха. И сердце куда сильнее и выносливей. А ещё – навыки профессионального охотника позволяют ему прибегать к многочисленным уловкам, которые используют дикие звери...

Но вот врагу, похоже, надоело играть в кошки-мышки: там, впереди, стоит длинная и плотная цепь поджидающих его тварей. Да и вообще: он, похоже, оказался в кольце. В ловушке. Мышеловке, которая сейчас захлопнется, стоит только тем преследователям, что находятся сейчас на расстоянии меньше двухсот шагов от него сзади, сомкнуться с дугой, по которой расставлены встречающие!..

Нельзя допустить, чтоб его взяли живым.

Потому что тогда секреты их миссии, их похода, враг у него просто... Выпытает!

С сердитым рёвом он развернулся, и из последних сил припустил туда, откуда только что бежал!

Враги, похоже, не ждали такого финта! Вон: хоть их возмущённого верещания и не слышно, зато уж оскалы на страшных рожах – те ещё! Одни зубки чего стоят!

Прорваться сквозь не успевшие сомкнуться достаточно плотно ряды удалось с помощью меча и кинжала – уже не до лука, который на бегу не больно-то используешь! Он, почти не глядя, и не особенно разбираясь, просто рубил налево и направо, стараясь только уворачиваться от сетей и лап с цепкими когтями, и про себя злорадно думая, что чёртовы монстры не могут ответить ему тем же: ведь им приказано взять его живым! А как это сделать, не нанося смертельных ударов, никто из них явно не представляет! Так нате же вам – он никакими ограничениями не связан! Как и особой любовью к извечным врагам людей, творениям злобного колдовства, не пылает!

Но вот он и снова относительно цел – пара десятков царапин от когтей и разодранные штаны не в счёт! – и свободен: куча на земле, примерно из десятка всё ещё копошащихся тел, осталась за спиной, а он опять скрылся в очередной роще! Пробежать её он поспешил

ещё быстрее, чем мчался только что: может, *теперь* удастся оторваться?! Ведь он дал друзьям достаточно, и даже больше, чем достаточно форы: его гоняли по проклятой земле чёрного Властелина более четырёх часов! И если не поймали – так только благодаря, вот именно – его навыкам охотника, и отлично тренированному телу!

Но, похоже, игры в догонялки закончились. Он приостановился, чтоб утереть заливающий глаза пот. Подумал, что теперь его, человеческий, запах уж наверняка сильнее, чем тот, что маскировал его в какой-то степени во время всего похода. Э-э, уже неважно!

Враг ловит его теперь не по запаху, а по виду!

Впереди маячило нечто странное. А, точно: ряд телег. С огромными клетками-вольерами. И что-то в них такое непонятно большое и злобно шипящее шевелится, словно с нетерпением принюхиваясь... И помаргивая огромными даже отсюда блестящими глазищами. И клацая здоровенными – не зубками, а уже зубищами. Серые стремительные тела, могучие мышцы которых играют на солнце, пучась буграми под серо-зелёной кожей...

Проклятье!

Не иначе, приказ взять его живьём отменён. И теперь враг просто хочет убить его, чтоб не дать, вот именно – спрятаться или скрыться.

Не бывать же такому!

Ну, или он постарается, по крайней мере, продать свою жизнь подороже!

Он бросился направо: там вблизи имелась очень даже перспективная роща дубов: можно будет в крайнем случае прижаться спиной! Потому что нет больше с ним надёжных и умелых товарищей, готовых прикрыть его тылы.

Вот, прижавшись к самому толстому дереву, он и пытался отдышаться хоть немного, снова утирая пот и отирая руки о нижнюю рубаху, чтоб можно было надёжно удерживать лук и тетиву, пока в напряжённой тишине к нему неслись с трёх сторон прирождённые машины-убийцы. Впрочем, ждать пришлось недолго: не более минуты ушло у шустрых двуногих тварей на то, чтоб преодолеть полмили от телег до него – ещё по дороге сюда он слышал, как за спиной щёлкали дверцы открываемых клеток, когда тварей выпускали. Не слышал он только науськивающих команд – но это понятно: те, кто управляют тварями, в словах для этого не нуждаются!

Первую, самую большую и шуструю гадину, уже вождённо нацелившую пасть ему на шею, и даже истекавшую по этому поводу слюной, он поразил прямо в центр груди. Потому что попасть в голову, половину которой занимала зубастая пасть, было трудно: она казалась гротескно маленькой по сравнению с мощным мускулистым торсом, и всё время дёргалась в такт огромным скачкам, которыми приближалась к нему смертоносная скотина, в холке достигавшая, наверное, пяти футов.

Не гигант, конечно... Но и всё-таки не десять футов, при длине в тридцать, о которых упоминал капитан. Юнец, стало быть, чёртова динозавра.

Бронебойный наконечник своё дело сделал, и стрела из его мощного лука прошла толстую грудину почти насквозь, наружу из спины даже вышел окровавленный кончик наконечника, а из передней части остался торчать лишь самый краешек оперения!

Хищная тварь отлетела даже назад, словно отброшенная невидимой рукой! Похоже, отчаяние и злость придали его руке, натянувшей тетиву, особую силу!

Отлично! Кожа ящера, стало быть, ещё не настолько толстая, и не превратилась в непробиваемую броню! Значит, эти твари ничем не отличаются от остальных таких же!

Он стрелял, пока не кончились последние стрелы в колчане, оставшиеся после попыток поубивать «обычных» преследователей: девять стрел – девять убитых тварей!

Но вот на него налетели и остальные, числом не меньше дюжины. И пришлось отбиваться уже мечом и кинжалом.

К сожалению, это оружие не могло сравниться в эффективности и скорости действия с когтями и зубами накинущихся на него со злобным остервенением, верещащих до нелепо-

сти тонкими голосами, монстров. И вот он уже и сам орёт во всю глотку, поражённый ужасной болью: руку с мечом до локтя просто отгрызли, одна из тварей побольше тяжким грузом повисла на его правой ноге, стаскивая наземь, а третья, самая шустрая, прыгнула прямиком на грудь, вонзив в неё и живот огромные мощные когти задних лап! А руку с кинжалом схватила, и треплет, словно собака, ещё одна! В бока вгрызаются ещё две...

Шустрая тварь на груди первой добралась до его горла.

Последнее, что он успел подумать – так это о том, что как хорошо, что живым-то его теперь уж точно не...

Первое отделение первого взвода закончило первым. (Кто бы сомневался!)

Сигнал, поданный условленным криком гиено-рыси, донёсся до лорда Бориса примерно в шесть утра. Он чуть заметно кивнул самому себе: он так и думал, что ветеран и матёрый профи, старший сержант Борде, организует работу грамотно, и проследит, чтоб всё было сделано, как положено. Да и сам поможет, если что.

И вот люди Борде и правда – сделали всё как надо, раньше всех.

Впрочем, условные сигналы от остальных восьми отделений не замедлили подтвердить готовность: от первого их отделили буквально считанные минуты. Значит, молодцы и новоявленный старший сержант Остерманн, и третий взводный – сержант Пауэрс: работали и их бойцы в поте лица!

Единственное, что напрягало лейтенанта Бориса, командира созданной по личному приказу его Величества спецроты диверсантов, так это то, что противника может насторожить столь близкая, и странная в такое время, активность животных. Как можно подумать по их крикам, буквально толпами вдруг обступивших пограничные редуты: тут тебе и гиено-рыси, и свистящие ласки, и филины-убийцы, и медведи...

Правда, так произойдёт только если на вахте сейчас, в тягумоторные предрассветные, характерные самыми лютыми морозами и пронизывающими буквально до костей ветрами, часы, имеется кто-то реально мыслящий: например, один из менталистов. А вот если эту, никем даже из людей нелюбимую, томительную и нудную, вахту несут только вполне обычные, «стандартные», твари, типа ящери-людей, или «доработанных» бабуинов, опасаться нечего: чтоб сообразить, что крики животных, не часто звучащие вокруг редутов, расположенных на голой равнине перешейка, да ещё перед рассветом, да ещё зимой, могут означать опасность, нужно обладать воображением. И мозгом. И опытом.

Собственно, *такого* опыта у бойцов лорда Хлодгара, сейчас защищающих его приграничные восемьдесят девять сделанных из могучих и почерневших от времени брёвен, редутов-крепостей, быть и не может. Поскольку *никогда* раньше на них ночью, да ещё в самый разгар январских морозов, никто не нападал.

На этом и строился расчет лорда Говарда, и Штаба: противник должен оказаться застигнутым врасплох!

Потому что элемент внезапности – чуть ли не главный их козырь.

Ведь численный перевес пока по-прежнему на стороне орд чёртова чёрного Властелина! И это несмотря на то, что Армия уничтожила за это лето пятнадцать с лишним тысяч этих самых ящери-воинов... Но главная опасность для людей, таящаяся в недрах территории врага, исходит всё-таки от того страшного «сюрприза», что сейчас зреет, набирая массу и размер, там, вдали от перешейка. За надёжно перекрытой и запертой границей. На отлично оборудованных и отапливаемых фермах и фабриках по доразиванию.

Так вот, чтоб добраться до них, чудовищно огромных и смертоносных машин для убийства, и надо для начала вскрыть, словно консервным ножом – банку старинных консервов, оборонительную систему на перешейке! Состоящую из трёх линий, расположенных на расстоянии полумили друг от друга. А расстояние между отдельными редутами – вообще не больше трёх-

сот шагов: похоже, чтоб менталисты как раз могли удобно и без особого напряжения общаться между собой. Мысленно.

На эти самые три ряда, поперечными линиями перекрывающими весь перешеек, от Моря блестящих рыб, до непролазной и никогда не замерзающей пучины Энгаденской трясины, лорд Хлодгар наверняка надеется. Как на панацею от любого проникновения: что тайного, что явного. И не без оснований, надо признать.

Да, два раза Штаб армии Тарсии предпринимал попытки лобового прорыва.

И результаты неизменно доказывали правильность расчета врага: три линии по тридцать редутов, тянущиеся поперёк всего перешейка, плюс две массивные каменные крепости в тылу, гарантируют от проникновения на территорию Хлодгара, пусть армия Тарсии в бой хоть вся! Эшелонированные ряды капитальных бревенчатых укреплений, каждое – с большим гарнизоном, и отлично налаженной дозорной и караульной службами, весьма надёжны в этом плане. А от разведчиков-диверсантов, пытающихся в одиночку, или малыми группами проникнуть в глубину земель лорда Хлодгара, неплохо помогают секреты, пикеты, и патрули... И выскакивающие на их мысленные призывы о помощи основные гарнизоны редутов!

Ну а случись врагу всё же прорваться сквозь линии бревенчатых оплотов обороны – всегда есть возможность отступить вот именно – к каменным крепостям-твердыням...

Однако именно это – первый этап, предусматривавший полный разгром гарнизонов редутов! – не представлялось возможным осуществить стратегам Штаба на протяжении долгих пятнадцати лет: справиться весьма небольшими, надо признать, силами армии Тарсии, хотя бы с редутами первой линии на перешейке.

Так вот, как раз эту, проверенную годами и сражениями, полосу обороны и нужно сейчас не просто вскрыть, а ещё и постараться уничтожить весь контингент обороняющих её монстров, пока проклятые чудовища-гиганты там, глубоко в тылу, не подросли и не вошли в полный вес и силу. Потому что с монстрами под три тонны, и с непробиваемо-бронированной шкурой мечами и тыкалками-копьями не больно-то повоюешь...

Враг, конечно, свято верит в то, что понастроенные им бревенчатые крепости неприступны. Да оно и правильно: стены в двадцать футов высотой, из огромных, уложенных подобно тому, как укладывают стены в гигантских избах, долговечных смолистых брёвен. Внутри – настоящий лабиринт из уровней и комнат, позволяющий весьма комфортно жить, греясь даже зимой в отапливаемых огромными глиняными печами помещениях. Плюс, разумеется, стратегический запас дров. И продуктов: в первую очередь – мяса. Потому что не едят ящеры фруктов и овощей... Как и хлеба. Поля с которым враг в последний набег потравил и посжигал там, на северных землях Тарсии.

Однако штурмовать в лоб, с осадными лестницами или башнями, или даже катапультами любой, даже самый маленький, редут – настоящее самоубийство. И хотя у врага и нет ни луков ни арбалетов, (Лапы-руки не приспособлены!) ни эти самые лестницы, ни осадные машины, ни брёвна-тараны не помогли армии Тарсии в те разы, когда они пытались...

Потому что пока ты отчаянно бьёшься, стараясь захватить хотя бы один, или несколько редутов, вынужденно концентрируя на них силы и осадное оборудование, из остальных не торопясь выходят от десяти до пятнадцати тысяч воинов-тварей во всеоружии. Выстраиваются в боевые порядки. А затем – кидаются всей огромной массой, подавляя, разделяя, и сминая ряды пехотинцев и лучников: просто числом!

И – «фенита ля комедия»!..

Нет, враг окапывался и окопался на перешейке скрупулёзно, методично и грамотно. Причём поступил очень предусмотрительно: вначале построил редуты, укомплектовал их огромным постоянным контингентом, понарыл вокруг них окопов и землянок – для размещения схронов и секретов-засад, затем возвёл и две капитальные, подобные во всём Милдреду, крепости из камня в пяти милях позади линий редутов. И только потом начал набеги на соседей. И

конструкция и гарнизоны этих редутов и каменных крепостей перешейка практически гарантированно выдержат и штурмы и осаду. Даже если б армия людей пополнилась союзниками Тарсии, и была бы хоть втрое многочисленней. Но!

Это – если стремиться их, эти бревенчатые исполины, вот именно – захватить! Как обычно и планировал Штаб армии Тарсии. Свято соблюдающий традиции и устои, содержащиеся в Уставах да Наставлениях по тактике и стратегии. Где чётко указывалось, что твердыни нужно – захватывать целыми. По возможности.

Чтоб потом использовать и самим!!!

Но такие стандартные и привычные задачи у армии стояли только до того, как в дело вступил лучший аналитический ум Семиречья!

Редуты, согласно его плану, для вскрытия обороны «захватывать» вовсе не обязательно. А все их в крайнем случае придётся просто... Уничтожить.

Ликвидировать.

Поскольку оставлять их целыми смысла нет: люди всё равно не смогут всё это трофейное добро оборонять, даже если удастся захватить гигантские бревенчатые фортификационные сооружения неповреждёнными: для этого просто не хватит людей! Армия Тарсии численностью по-прежнему не превышает пяти тысяч человек, даже с учётом последней мобилизации, и наёмников.

Борис дёрнул щекой: всё верно. Косность мышления мешала додуматься до того, что, вот именно – «удерживать» захваченные «целыми» редуты смысла всё равно нет: ну не хватает у них в армии людей на гарнизоны для них! Хотя об этом факте все знали давным-давно. Но вот соответствующих выводов никто не сделал до лорда Юр...

Словом, ни о каком штурме, «захвате», и «удержании» таких редуты речи теперь нет. На это ушло бы и правда – слишком много времени и сил. Не говоря уж о том, что полностью пропал бы эффект «внезапности»! Он не мог не возвращаться мыслями снова и снова к этому моменту: насколько велики «шоры» традиций при планировании таких операций – просто поразительно. Вернее – это оно *теперь* поразительно. А до этого никто даже не предлагал *такого* плана, такого решения. Зато сейчас...

Нет, лейтенант Борис понимал, конечно, что враг их не ждёт. Как не ждёт и той весьма подлой и негуманной тактики, которую они собираются применить. Коварной ловушки, расставленной успокоившемуся и избалованному лёгкими победами врагу. Но...

Но лорд Хлодгар не гнушался применять против мирных землепашцев Тарсии и кое-что погнусней и поподлей.

Поджоги, расчётливо совершаемые в конце лета, когда зерно вошло в колос, уничтожавшие пищу: рожь и пшеницу, которые едят люди, и сено, которым всю долгую зиму питаются животные: кони, волы, козы, свиньи и бараны. Укусы, ядовитых и несущих страшные болезни, тварей: гигантских крыс и летучих мышей. А самое главное, он всегда приказывал своим ордам убивать и добивать всех, до кого они смогут добраться, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Ни даже животных, обычно имевшихся у фермеров: тех же коней, волов, свиней, баранов... Тоже ведь – потенциальная «пища»!

Ну так вот пусть и пожинает. Плоды своей жестокости. И подлости. Геноцида и тактики «выжженной земли». Потому что ответная «жестокость» как таковая рассматриваться не может: ведь они воюют не с разумными, и не с людьми.

А, как теперь им отлично известно, с рабами. Животного происхождения.

Никогда над дозволенностью или «гуманностью» того или иного приказа Хозяина не задумывающимися. А просто готовыми слепо и скрупулёзно выполнить любой, даже самый мерзкий и подлый, приказ.

И пусть эти несчастные твари и не виноваты, что их только для войны и создали, наделив непомерно огромными зубами, когтями, или даже снабдили примитивным оружием. А вот

мозг – поработили, высосав оттуда собственное сознание и природные инстинкты, заменив боевыми навыками, и инстинктом слепого повиновения. И фактически заставляют служить пушечным мясом, лишив собственных чувств, желаний и стремлений, вроде инстинкта самосохранения, или продолжения рода. И малейших проявлений собственной воли и разума.

Но жалеть и скорбеть по их «загубленным» душам и подлежащим убиению телам лорд Борис, как и все остальные в их спецподразделении, да и во всей армии, не собирается. Заслужили? Получите!

Однако тянуть смысла нет. Через каких-то полчаса длинная зимняя ночь сменится серым тусклым рассветом, и даже белые маскировочные плащи-халаты их солдат на фоне белизны заснеженной равнины станут заметны. А поскольку сидящие в отлично (Надо признать!) замаскированных, но давно выявленных многодневными упорными наблюдениями его людей «секретах» и схронах часовые и дозорные врага методично и бесшумно вырезаны сегодня его лучшими бойцами сразу после полуночи, то и предупредить дозорных и тем более – менталистов редутов некому! Так что можно не опасаться, что мобильные, и уже занявшие позиции отряды армейских отлично натренированных лучников хоть кто-то заметил, или вычислил. Ведь часовые на стенах – явно всё так же беспечны, и приплясывают от холода...

Стало быть – пора!

Он дал отмашку сигнальщику. Тот отреагировал мгновенно: громко и на всю равнину прокаркал условленный сигнал. Похоже, и сам не мог дождаться!

Не прошло и минуты, как тишину заснеженного пространства нарушило вначале тихое потрескивание, и прерывистые трели свистков часовых, не обладавших, как выяснилось в процессе предыдущей кампании, возможностью кричать, или хотя бы визжать. И первые, пока невысокие, языки сильно коптящего пламени взметнулись к чёрному небу, заслоняя от наблюдателей затянутое снежными тучами пространство. А затем, буквально через считанные секунды, затрещало так, что не услышал бы только глухой, и зарево костров от ярко полыхающих брёвен стен редутов, которые его диверсанты щедро полили маслом и нефтяной смолой, поднялось и выше стен самих редутов, раздуваемое обычным для зимы ветерком! Ну, или если быть точным – ветрищем!

Не зря, значит, поработали его люди, несколько часов кряду таскавшие из схронов и окопов их позиций тяжеленные бурдюки из выбеленной кожи, выливая по периметру сооружений горючее содержимое – и к подножию, и на всю высоту толстенных брёвен, куда могли дотянуться. Не зря командование дожидалось и последних деньков января: к этому времени влага, проникшая в стволы-стены с осенними ливнями, полностью испарилась, как это бывает в сильные морозы, даже не превращаясь в жидкую воду. Или просто ушла вниз, в землю. И брёвна стен просохли, как... Ну да – как дрова! Которые, как известно, умные люди как раз и заготавливают зимой...

И теперь можно не сомневаться: поскольку все основания чёртовых двадцатифутовых в высоту квадратов монументальных построек размером в плане сорок на сорок шагов, насквозь пропитались отлично горящим маслом и смолой-нефтью, то и полыхать массивные конструкции будут тоже – отлично!

Стояли ведь здесь и сохли целые десятилетия!

Оно и верно: запыхало – будь здоров! Пламя очень быстро поднялось на всю высоту стен, да и выше забралось: такой «сигнальный костёр» не заметит только совсем уж слепой! Наверняка те из орд чёрного Властелина, что сидят даже в далёком тылу, бушующее пламя увидят. И отправят соответствующие донесения... Враг поймёт, что редуты, скорее всего, будут потеряны – захвачены или просто сожжены. И предпримет какие-то ответные меры. Когда-нибудь.

Однако в ближайшие сутки сделать с этим фактом чёрный Властелин ничего не сможет. Поскольку даже самые «шустрые» его подкрепления подойдут к границе в лучшем случае завтра! Так что враг будет знать лишь о том, что война началась.

Жаль только, что предотвратить отправку таких депеш нельзя.

Но на повестке дня пока более неотложные проблемы. Сейчас во всех остальных редутах врага, и в крепостях, там, в десяти милях в глубине, наверняка расторопные стражники-часовые будят начальство: менталистов. Посмотрим...

Ведь армия Тарсии готова!

Людям теперь остаётся только ждать. Того, о чём они мечтали долгие годы!

Мечь!

И полный разгром, уничтожение, полчищ чёрного Властелина.

«Я словно вынырнул на поверхность воды, с чётким осознанием того, что происходит вокруг. Вот: только что нигде никого и ничего не было, и вдруг – я появился!

И я нахожусь в самом центре всё усложняющихся боевых действий, но почему-то этот факт меня совершенно не удивляет. Даже не так: мне казалось, что ничего естественней, логичней, ожидаемой того, что именно я всем тут управляю и заправляю, просто нет!

Вот я и приказал, сразу по двенадцати каналам ультрасвязи с летающими крепостями, развернуться в построение для атаки, и приступить. К атаке.

Себе же приказал возглавить основную волну штурмовиков.

Зрение моё мгновенно оказалось в передовой, головной, машине, и я подумал, что её видеокamеры имеют разрешение даже лучше, чем могли мечтать орлы: видно было даже капельку росы на кончике листа осоки в миле от меня! И такое сверхчёткое зрение мне дано не зря: я тут же нашёл отлично – нужно признать! – замаскированную позицию противоздушных гиперракет. Церемониться я с ними не стал: пара движений кобальтовыми лазерами – и на месте позиции вспух огненный бутон мощного взрыва: сдетонировал боезапас! Значит, и пусковые станки уничтожены. Вот теперь – все на прорыв!

Одиннадцать остальных модулей, следующих за мной клином, словно стая журавлей, на форсаже устремились в расчищенный проход! Никаких резервных батарей, или других «сюрпризов» больше на участке прорыва не обнаружилось, и вся вверенная моим заботам техника прекрасно перелетела за линию фронта.

Ну, как фронта: за ту невидимую и чисто условную грань, полосу, где заканчивались наши передовые линии, и ещё не начинались линии противника. И вот первая линия успешно преодолена! Теперь помешать нам могут только удары сверху: из космоса.

Впрочем, они не заставили себя долго ждать: вражеские линкоры, зависшие над местом боя на стационарной орбите за границей стратосферы, принялись палить из плазменных пушек, и из тех же лазеров. Однако тут нам на руку оказалось то, что хоть скорость света и практически бесконечна, зато велико расстояние до носителей оружия, и инерция есть у любого «наводящего» устройства: противообстрельный зигзаг вполне помог нам прорываться: так, что оружие врага не могло ни поймать наши модули в прицел на достаточно долгое время, чтоб расплавить броню, ни поразить с одного мощного залпа: мешало рассеивание о ту же атмосферу!

К тому моменту, когда мы добрались до скального массива, под которым находился мозг Центрального оборонного комплекса врага, оказалось сбито всего три модуля. Хотя противник, понимая, что это – уже не отвлекающий манёвр, стрелял по нам из всего, что имелось в наличии: что в воздухе, что в космосе, что под землёй, откуда в спешном порядке повылазили резервные батареи противоракет – ими сразу же занялись уже наши линкоры. Но враг, похоже, совсем отчаялся, и даже взорвал на поверхности пять тактических ядерных зарядов: хорошо,

что мы, предвидя это, и зная их мощностъ из данных разведки, шли на двух милях – врѣшь, не достанешь!

Но вот мой маленький флот и на подлѣте! Приказываю первым четырѣм модулям начать сверление. Они включают импульсные пушки и движки на полную, и вскоре тоннель, слившийся в единое целое из четырѣх отдельных скважин, достигает полумили в глубину! Жаль только, что за скоротечные три секунды, пока это произошло, вызвав словно бы извержение мини-вулкана от испарившихся почти мгновенно пород, был израсходован весь тот гигантский запас энергии, что хранился в их сверх-защищённых и сверх-ѣмких бортовых аккумуляторах.

И после такого «самопожертвования», а вернее – после моего приказа так сделать, мои модули первой волны стали практически бесполезны, и попадали, словно осы от инсектицидов, на заснеженную поверхность у горной цепи. А ничего. Пока всё – в пределах допустимых потерь, и я приказываю следующим трѣм модулям продолжить благое дело!

Вот теперь тоннель реально проник глубоко, потому что наружу почти не вылетело, как только что, облако из раскалённых испарѣнных горных пород. Что говорит о том, что вылетело это облако уже внутрь – в ту замысловатую и разветвлѣнную систему подземных ходов и коммуникаций, что проходческие машины противника понарыли тут за сто с лишним лет подготовки к решающему сражению.

Ну, вот оно и состоялось. Как раз в тот момент, и теми тактическими подразделениями, которых этот самый противник меньше всего ждал, сдуру поверив, что раз мы наращиваем потенциал именно космических сил, именно они и будут нашим главным козырем в предстоящей схватке.

Но вот отвалились и эти «самопожертвовавшие» последнюю энергию модули, и я, приказав остальным – прикрывать, нырнул своим командным, головным, модулем, прямо в ещё светящийся малиновым цветом тоннель, всего пятидесяти футов в диаметре – только-только пролететь! А глубже полумили – так и вообще сорок футов: тут пришлось почти протискиваться, дорабатывая лазерами, обдирая бока, и ощущая, как всё равно срывает о стены блоки наружных антенн и контейнеры защиты.

Но на защиту в данных обстоятельствах уже плевать – меня тут не достанут ни плазмомѣты, ни лазеры, ни гиперзвук, ни тактические заряды, ни вообще ничего из того, что работает там, снаружи. Потому что применение его здесь, в узких катакомбах – подобно самоубийству. И вызовет только чудовищный взрыв, вывернувший бы наизнанку все те мурашиные лабиринты, что враг с таким тщанием, и не считаясь ни с затраченным временем, ни трудозатратами, рыл тут весь последний век!

Главное теперь – не проскочить глубже, чем надо! Ага – есть! Мои бортовые сенсоры уловили чѣткий сигнал, и я нажимаю кнопку сброса. Головная часть моего модуля отделяется, и начинает выдвигаться вбок: туда, где буквально рычит, не справляясь с нагрузкой, система кондиционирования и охлаждения главной цели моей миссии – суперкомпьютера противника! И теперь-то он, этот противник, наверняка догадался, как именно мы вычислили то место, где он спрятан: да всё по этим же, пусть и рассредоточенным по всей длине горной цепи, тепловым выбросам! Ну не бывает здесь такого, чтоб в горных реках даже зимой температура воды превышала тридцать градусов любимого Цельсия!

Излучатель моей десантной капсулы пусть и не настолько мощен, как те, что сейчас отработали, но пройти за пару десятков секунд, расширив те ходы, что тут уже имеются, нужные мне полкилометра вполне позволяет. И вот я и на месте.

И приступаю, не ожидая никаких сюрпризов, к уничтожению главного: монолитного куба из броневой стали, размером сто на сто на сто футов, содержащего единственно ценную сейчас вещь, как для врага, так и для нас: супермозг, позволявший Штабу краснорубашечников адекватно реагировать и отвечать контрвыпадами на все наши попытки сломить их оборону!

Сводя все усилия наших, в-принципе, превосходящих сил, на нет. И ставя в тупик аналитические компьютеры нашего Штаба.

Датчик заряда аккумулятора показывал ещё пятьдесят процентов, когда это произошло.

И мой модуль, как и куб вражеского мозга, как и половина горного массива вокруг нас вдруг поднялись на высоту более пяти миль в виде красиво клубящегося бордово-оранжевого облака за долю секунды испарившихся в пар веществ и агрегатов...

И я понял, что провели-таки нас эти сволочи.

Потому что супермозг-то оказался – фальшивкой!

И единое оборонное пространство вокруг нашей планеты так и осталось пронизанным невидимой, но от этого не менее грозной, сетью-коконом. Не позволяющим нам применять то, в чём мы сильны.

Самостоятельно мыслящие дроны-автоматы...

Проснулся, как от удара!

Да что же это за!..

Почему я уже в третий раз за этот год вижу кошмары, где ощущаю себя – нет, *не человеком!* А – супермашиной, супермозгом. Псевдосуществом, пусть лишённым конкретного тела, но способным мыслить. И обладающим уникальной индивидуальностью, и даже имеющим право принимать самостоятельные (Ну, относительно!) решения, и даже вполне успешно (Ну, на первых порах...) биться с превосходящими силами противника?!

Неужели так сказывается тот факт, что я начитался про всё такое в бытность впечатлительным вьюношей? Или – виновато то, что позже я старался всё, что прочёл про древнюю историю и способы ведения войн Предтечами – домыслить? Вообразить? Или...

Или тот сволочной агрегат, в который я вот уже третий раз во сне перевоплощаюсь, существует где-то и поныне?!

Терпеливо ожидая, когда настанет его час, и он сможет выполнить то, для чего его, собственно, и создавали?.. А я вижу все эти сновидения потому, что он имеет возможность распространять свои мысленные эманации, осуществлять своё гипнотическое мысленное воздействие на всё так называемое «единое информационное поле земли», и транслирует всё это для того, чтоб найти...

Союзников? Врагов?

Или того, кто сможет освободить, отпустить его Сознание на свободу, отменив дурацкий Приказ, отданный четыре века назад?!

Бред.

Но когда начинаю размышлять логично и спокойно, уже сменив пропотевшее насквозь бельё на сухое, и лёжа в одинокой постели, я, древний по нынешним меркам старик, начинаю подозревать, что некая сермяжная правда в этой, последней, версии, где-то есть...

И суперкомпьютер, называющий себя СТФ-4, где-то до сих пор существует...

И существует вполне благополучно!

Равнодушный к заботам и стремлениям нынешней, примитивно организованной, и ничем ему в плане вооружений уже не угрожающей, генерации людей.

Правда, для меня этот момент пока представляет чисто академический интерес.

Потому что приоритетным делом представляется для начала – просто освобождение из подвалов чёртова Клауда!»

Ждать, впрочем, тоже долго не пришлось: не прошло и двух минут, как распахнулись настежь массивные двери-ворота первого, ближайшего к Борису, полыхающего редута! И ящеро-люди начали выбегать. Впрочем, это было сильно сказано: тактические проработки и расчёты Штаба (А вернее всё же – не совсем Штаба!) вновь оказались верными, и на холоде

враги не бежали, а, скорее, пытались делать это. Однако выглядели их усилия гротескно комично: движения замедленные, словно суставы заржавели! Да и глаза подслеповато шурились из-за ярких всполохов гудящего уже в полную силу пламени. Зато, как с удовольствием отметил лорд Борис, дыма и чада от этого моря огня уже почти не было: точно, значит, отлично всё просохло! И пожары теперь – не потушить!

Из-за спешки начальства, сразу бездумно бросившего заторможенных пока бедолаг в бой, на некоторых воинах-ящерах из одежды ничего кроме кольчуг и сапог не было. Но уж мечи-сабли, булавы, клевцы, палицы и щиты они захватить не забыли! Наверняка кто-то расторопный разбудил менталиста, командующего и этим, и остальных, отвечающих за другие редуты! И ввёл в курс дела. И те успели раздать своим рабам должные приказы.

Вернее, это они посчитал эти приказы – должными. Поскольку отдавали тоже спросонья, не подумав, с чего бы это их редуты подождли. И не знают, не могут знать, что именно такой, поспешной и неподготовленной, вылазки, люди и ждут...

Борису было где-то даже жаль несчастных ящеров: не приспособлены пресмыкающиеся к низким температурам! А их кривенькие, хоть и мускулистые лапки с огромными кривыми когтями – к копьям, лукам и арбалетам. Но дело есть дело: не жалеть их они сюда прибыли. А уничтожать. Методично и безжалостно. Разя только насмерть. Как действовали и сами ящеры, когда были на их территории! Ну вот и получите: око за око!

Вот работой по уничтожению живой силы противника армия Тарсии сейчас и занялась. Уж лучники-то у них – лучшие на всё Семиречье! Ежедневные тренировки, что днём, что ночью, в свете факелов, не позволят промахнуться! Да и наконечники стрел – бронебойные...

Вставший теперь на ноги в полный рост его бывший взвод, входящий как раз в состав первого, отданного теперь под командование полковника Дилени, полка лучников, расположившийся в пятидесяти шагах прямо напротив главных ворот, и растянувшийся в цепь, методично расстреливал несущихся, а точнее – пытающихся нестись к ним, монстров! А поскольку ответного обстрела не производилось, (Некому у монстров стрелять! Ну не подходит лук к лапам – что ящеров, что бабуинов! А причины, по которым лорд Хлодгар не создал предназначенных для *этого* существ, похоже, навсегда останутся для людей загадкой! Да и ладно.) люди стояли в полный рост, и даже не сдвигались с мест, где до этого лежали. Тщательно отогревая на груди, или под мышками, руки и пальцы – привычные к морозам и даже лютым холодам!

Зачем менять позицию, если она удобна, и освещение отличное?! Да и враг даже не пытается прикрываться, или бросаться из стороны в сторону, затрудняя прицеливание.

Ворота крепости-редута были шириной всего в десять футов, поэтому толпа его защитников выливалась ещё и из-за этого вынуждено медленно: не больше ста тварей в минуту. Как раз то, что нужно, чтоб прицелиться, сразить очередную мишень, и достать и наложить очередную стрелу... Прыгать же со стен, охваченных огнём, да ещё с высоты в двадцать футов, никто из тварей не стал: бессмысленно. Потому что с переломанными ногами-лапами не много навоюешь.

Лорд Борис мысленно считал про себя. Две минуты. Отлично. Вот, похоже, с первым редутом и покончено. Почти. Потому что защитники теперь не выливаются рекой, а вытекают дохленьким ручейком, или вообще – по одному.

Он внимательно осмотрел поле боя: нет, всё в порядке. Лучники отлично справляются с «выкашиванием» и остальных восьми начавших выбегать из полыхающих укреплений гарнизонов, а резервные взводы пехотинцев, тоже располагающиеся напротив каждого ворот, за линией стрелков, даже не вступили в бой: запрещено. Их задача – прикрывать стреляющих от возможного нападения с тыла, и со стороны других гарнизонов, или из случайно пропущенных разведчиками схронов-секретов, откуда могут подтянуться подкрепления ящеров. Или бабуинов. Когда у врага такие огромные ресурсы «живой силы», ждать можно и всяческих подвохов!

Всё-таки – редутов у чёрного Властелина наткано по перешейку восемьдесят девять. И в каждом, как установлено скрупулёзными наблюдениями, проводимыми всю осень лазутчиками и дозорными с помощью лучших подзорных труб, – не менее ста пятидесяти – ста восьмидесяти бойцов! Что в целом составляет не менее пятнадцати – шестнадцати тысяч полноценных, крепких и вполне боеспособных (Ну, когда снаружи тепло!) врагов. И поскольку лорд Борис сам побывал в недрах территории врага, он отлично представлял, что и пищевые и прочие ресурсы для содержания столь многочисленного контингента у их врага – в наличии! (Не представлял он только одного: сколько ещё монстров ожидает их там, в глубине земель врага... Как, впрочем, не представляли этого ни Штаб, ни лорд Главнокомандующий. Но *там* этот контингент вряд ли защищён твердынями крепостей!)

Однако вот твари, более трёх минут пёршие, словно стадо безмозглых баранов – на бойню, из ворот первого редута, и кончились. Люди прекратили стрельбу, опустив луки, хотя подходить ближе и добивать ещё шевелящихся кое-где раненных не спешили. Да и зачем, если почти тридцатиградусный предрассветный мороз сделает это и проще и надёжней?!

Сосредоточенное и целеустремлённое циничное избиение, за которым он внимательно следил, прекратилось, и стало возможным переключить внимание снова на общую картину боевых действий. Теперь было отлично слышно, как трещит и ревет, разгораясь всё ярче, очищающее перешеек от скверны вражеского присутствия, жадно пожирающее толстенные просмоленные стволы, пламя.

Лорд Борис ждал.

Однако того, что он ожидал, не произошло: никто больше из ворот перед ним не вышел. Значит, прав оказался сволочной ублюдок, лорд Юркисс, спланировавший и навязавший командованию этот «не соответствующий понятиям воинской чести», и, называя вещи своими именами – попросту подлый способ войны: менталист, руководящий гарнизоном редута изнутри, скорее всего, действительно предпочёл смерть плену. Наверняка перерезал себе горло. Или пронзил кинжалом сердце.

С другой стороны, как бы он её не предпочёл?! Ведь вверенный ему контингент так позорно провалил поставленную им конкретную задачу: не уничтожил подобранных вплотную врагов. Не уберёт свой редут от уничтожения. Да и вообще – «людей» своих попросту проспавший смертельную угрозу командир – всех потерял! Позор!

Хозяин такого уж точно не простит...

Борис оглянулся на звуки, которые теперь стали отлично слышны: всё верно.

Это скрипят ворота, и гремят оружием выбегающие на подмогу (Запоздало, нужно признать!) твари из второй линии редутов! Из всех тридцати! И тех девятнадцати, что остались пока несожжёнными – из первой!

Вот и отлично – ведь их «мозги», их командиры, не знают, что засады из лучников расположились за ночь и напротив *каждого* из оставшихся целыми редутов, *во всех* линиях – у выходных ворот! Да и с тыла!

Картина повторилась почти один в один.

Только тут выбежавшие на свою погибель гарнизоны не подгоняло люто бушующее пламя: редуты второй и третьей линии пока не обливали маслом, и не поджигали.

Лорд Борис не без интереса проследил, как жалкие остатки избиваемых ящеров из этих редутов спешат скрыться обратно – под прикрытие стен и ворот, и запереться изнутри – похоже, их менталисты начинают понимать, что к чему. А вот из ворот третьей линии редутов, как, впрочем, и из крепостей там, в тылу, пока почему-то никто выбежать или выдвинуться на выручку не спешил.

А быстро учатся и соображают эти гады!

Лорд Борис оглянулся на скрип, пофыркивание, и хруст: а-а, вот в чём дело. Конитяжеловозы с обозными телегами подкатывают их к тылам армии, а некоторые уже прямоком

направляются к девятнадцати остальным, пока оставшимся целыми в первой линии, редутам, с этими самыми массивными телегами. Со страшным для их обитателей содержимым: бурдюками с горючей смесью. И теперь все подразделения из освободившихся после избиения первых девяти гарнизонов лучников-стрелков, перегруппировываются, чтоб прикрывать эти повозки, пока те будут двигаться к пока не подожжённому редутам.

И их защитники и командиры-менталисты наверняка и видят, и понимают, какая судьба их ждёт в самом ближайшем будущем.

Лорд Борис прекрасно осознавал, что именно этот, так сказать, переходный, момент, и является в их плане критически опасным: а ну, как толпа тварей из пока целых редутов всех трёх линий обороны всё-таки кинется на них, сметая десятки – двенадцатитысячной лавиной?! Но подленький умишко их «главного консультанта» предусмотрел и это. И если твари сейчас ломанут – то только на свою же погибель!.. Лучники ждут их!

Но и простое «отсиживание» бессмысленно: не пройдёт и часа, как девятнадцать повозок будут установлены напротив всех пока целых редутов первой линии, переноска бурдюков начнётся, и толпы ящеров, отправленные к солдатам из этих, и остальных шестидесяти редутов, буде таковые наивные защитнички случатся, можно будет встречать в почти «комфортных» условиях!

Но на такую «любезность» вряд ли стоит рассчитывать.

Ведь обитатели всех остальных редутов уже поняли, столкнувшись непосредственно, что напротив *их* ворот тоже устроены засады! С только и ждущими, когда эти ворота снова откроются, лучниками!

Уж чего-чего, а подтянуть меткую стрельбу и ветеранов, и новичков из четвёртого, свежесозданного, полка лучников, куда направили всех мобилизованных мужчин Тарсии, их армейское начальство не забыло! Как не забыли Главнокомандующий и лорд Дилени приказать кузнецам Арсенала изготовить несколько десятков тысяч наконечников для стрел, хранящихся сейчас в запасных колчанах, и на спинах солдат интендантского взвода, и в повозках! Кузницы Арсенала армии Тарсии работали в три смены, выковывая и закаляя! А столярная мастерская только и делала, что выстругивала и клеила древки...

И интендантский взвод готов сейчас подносить стрелы всем израсходовавшим их. Уже не замаскированные белой окраской, повозки с этим самым запасом тоже прибыли: вон, остановились позади линии стрелков.

Приходите, (Или прибегайте, если успели согреться!) или уж – выбегайте навстречу своей смерти, гнусные твари! Смертоносная стрела найдётся для каждой!

К лорду Борису подошёл старший сержант Борде. Вскинул руку к белой шапке-ушанке:

– Господин лейтенант, сэр!

– Да, сержант.

– Разрешите доложить! Спецрота диверсантов ожидает ваших приказаний. Контингент подожжённых девяти редутов в количестве примерно тысячи пятисот тварей лучниками первого стрелкового полка уничтожен! Девять зачищенных редутов догорят... Думаю, к вечеру. Я распорядился, чтоб солдаты интендантского взвода пополнили стрелкам первого полка запас стрел! Расход составил не более двух тысяч!

– Отлично, сержант. Приказываю: продолжайте выполнение боевой задачи.

Лорд Борис не стал подробно распинаться или пояснять: старший сержант отлично знает, что делать дальше: всё разложено, как говорится, по полочкам, ещё вечером!

– Есть, милорд! – Борде бегом удалился, и вскоре Борис услышал его привычно раскати-стый, и теперь ничем не сдерживаемый командный голос: выполнившая с честью возложенную на них задачу усиленная спецрота лорда Бориса, разобравшись повзводно, быстро выдвинулась вслед за конями, везущими телеги с бурдюками, и лучниками первого стрелкового, тоже направившимся к ещё целым редутам первой линии.

Борис подумал, что и здесь лорд Юркисс оказался прав: задача роты диверсантов теперь сводится лишь к тому, чтоб уже почти в открытую, под прикрытием только огромных щитов, и тех же лучников, облить маслом и смолой ещё девять следующих редутов – по редуту на отделение. И помочь лучникам отстреливаться, если оставшиеся в редутах первой линии примерно три-четыре тысячи ящеров кинутся на людей именно сейчас. Вот уж порадовали бы!

А порадовали!

В свою подзорную трубу он увидел, как в свете начинающего сереть востока ворота ближайшего целого редута открылись, и оттуда снова полилось что-то вроде чёрной реки, отблескивающей поверхностями полированных колец кольчуг и щитков.

Вернее, эта река попыталась вылиться. Потому что залёгшие напротив ворот этого редута и замаскированные неглубокими окопами в снегу, белыми халатами-плащами, и белыми же шапками лучники второго полка тоже поднялись в полный рост, и принялись методично и спокойно, словно на тренировке, расстреливать вяло двигавшихся тварей!

К тому времени, как снова пооткрывались ворота и остальных восемнадцати редуты первой линии, и других тридцати, уже второй, и ящеры начали выдвигаться и оттуда, правда, стремясь не вступить в бой, а банально сбежать – в тыл, с выбегавшими спереди, через ворота, тварями этого редута было покончено. Но это оказался просто «хитрый» финт противника: основная масса обороняющихся оставшихся сорока девяти редуты первой и второй линий, оказывается, пыталась выбраться и сбежать с тыльной стороны своих редуты, спускаясь по верёвкам и верёвочным лестницам!

Ничего у них не вышло.

Хотя там, с тылов редуты, и сидело в засадах всего по отделению лучников на редут, но выкашивать медленно и неуверенно двигавшихся по непривычным опорам ящеров им было вполне сподручно! Да и верёвок или лестниц на каждый редут нашлось лишь по три-четыре – не больно-то прошустришь!

Не предусмотрен, стало быть, был такой вариант врагом!

Однако на действия остальных тварей, пытающихся обмануть или уничтожить подло поджёгшего их твердыни врага, этот факт никакого влияния не оказал: все продолжали упрямо и тупо, словно – вот именно! – бараны на бойню, лезть под убийственный огонь! Что спереди, что сзади! Похоже, менталисты всех этих редуты решили убраться от греха подальше из западней, готовых превратиться в полыхающие факелы, и пробиться к своим каменным крепостям-твердыням там, в тылу, любой ценой!

К сожалению, (А вернее – к счастью!) противник не порадовал тактическими вывертами или оригинальностью: ни стальных доспехов, ни каких-либо мощных щитов для прикрытия! Только оскаленные рожи-морды, да бесшумное на таком расстоянии клацанье отсвечивающих в свете сполохов всю разгоревшихся бревенчатых громад, зубов...

Борис невольно почувствовал досаду и раздражение: да что же за козлы там, внутри, сидят?! Идиоты-менталисты! Неужели вам не жалко своих подопечных?! Ведь поубивают их сейчас всех – как нечего делать!

Но приказа об отступлении избиваемым ордам так и не поступило.

Не собирались их командиры позволить им оставаться в редутах. И, понятное дело, Борис не собирався их за это винить – лучше быть застреленным, чем сгореть заживо!..

Так что гарнизоны и этих пятидесяти укреплений оказались доперебиты за считанные минуты. Лорд Борис почувствовал облегчение: ф-фу!.. Всё-таки удалось!

А ведь были, были сомнения! Поскольку на эту операцию были брошены практически все силы армии Тарсии, именно эта, так сказать, не соответствующая канонам, начальная часть плана и вызвала больше всего споров и разногласий в Штабе при обсуждении.

Как – так! Не оставить никого в резерве!

А ну – как коварный и многочисленный враг каким-то хитрым финтом обманет, и коварным образом перебьёт *всех* людей, и двинется на Дробант?!

Вопрос решил его Величество, посчитавший нужным согласиться с предложением лорда Юркисса. Хотя высказал и отстаивал его, разумеется, лорд Говард...

Однако никто из оставшихся в тылу, в третьей линии, из последних тридцати редутов, так и не вышел. Чем и разочаровал, и порадовал лорда Бориса. Решили, стало быть, попробовать «отсидеться» *их* командиры. Ну и ладно: значит, повозки с бурдюками просто проедут дальше. И их рота займётся сейчас не первой, или второй, а сразу – третьей линией. Бурдюков с горючей смесью у них теперь на всех хватит с большим запасом: целых сорок повозок осталось, получается, фактически неиспользованными! Да и те девять целых редутов первой линии, что уже начали было обливать бойцы его спецроты, даже не dokonчили «обрабатывать»! Так что с горючим – порядок. Есть запас.

С наибольшим опасением лорд Борис, а, как он видел, и лорд Дилени, расположившийся пока на соседнем бугре, посматривал в подзорную трубу на находящиеся в отдалении, и сейчас видимые в свете утра куда лучше, каменные крепости.

Но, как ни странно, никто оттуда на «подмогу» так и не вышел – неужели их менталисты учуяли с трёхсот шагов ждущих в засаде у главных ворот своих крепостей две роты особо опытных стрелков?!

А, похоже, что так.

Чёрт. Нужно было располагать их не в трёхста, а в четырёхста...

Ну и ... с ним. Так тоже – неплохо!

Потому что судьба крепостей на самом-то деле – тоже предreshена!

С рассветом скоротечный бой, если банальное расстреливание зажатого в теснине выходных проёмов ящеров, и отстрел единичных неуклюже спускавшихся по верёвкам с тыла и по бокам, можно так назвать, закончился. И лорд Борис видел и понимал, а сейчас и убедился, выслушав донесения разведчиков, что гарнизоны всех редутов первой и второй линий обороны оказались практически до последнего ящера уничтожены. И опустошёнными, но целыми осталось сорок девять бревенчатых крепостей. Он снова подумал, что с одной стороны это радует. А с другой...

Нет, не лежала у него душа вот к такому, подлому и циничному, способу избиения фактически беззащитных, безмозглых, и беспомощных на холоде – пусть и тварей!..

Но король и Штаб решили по-другому.

И мозгами новоиспечённый лорд Борис понимал: они правы!

Потому что допустить *людские* потери они, руководство, что страны, что Армии, просто не имеют права! Те призванные сверхурочно мужчины, что сейчас состоят на службе, и кого плачущие и заламывающие руки жёны и сурово насупившиеся близкие провожали в этот поход – *последние*!

И если они погибнут по вине излишне «гуманного», и желающего воевать, «как положено» по Кодексу чести, начальства – то!..

Конец их маленькой и гордой стране. И если не лорд Хлодгар – так давно облизывающиеся на их земли соседи позаботятся!..

Ладно, довольно абстрактных терзаний. Сейчас ему нужно перегруппировать своих бойцов в походную колонну, да выдвигаться вперёд: к редутам последней линии.

Полковник Дилени выслушал доклад Штабного вестового внимательно.

Отлично. План в первой своей части выполнен. Сражение, если назвать банальное и циничное избиение и поголовное уничтожение контингента первой и второй линий столь высоким словом, прошло именно так, как они и запланировали. Жаль только, что гарнизоны

последних тридцати крепостей-редутов из третьей линии не кинулись на подмогу редутам этих линий – ведь если б такое произошло, со всеми тремя линиями было бы покончено всего за одно хмурое зимнее утро! И не было бы у армии Тарсии проблем...

Впрочем, проблем у них и так не будет. Разве что времени уйдёт больше. Но сейчас нужно ответить на рапорт:

– Я понял вас, милорд лейтенант. Возвращайтесь, и передайте милорду интенданту мой приказ: тридцать предназначенных планом повозок с горючим направить к третьей линии редутов противника. Расставить согласно плану. Пусть спецрота приступает к обработке первых девяти редутов. Неиспользованные бурдюки в тех повозках, что были предназначены для первой и второй линий, пересчитать. Затем телеги подвезти тоже к третьей линии. Но! Расположить не ближе пятисот шагов от редутов.

Бурдюки пока не выгружать. Пусть хранятся в резерве. Доложить по готовности.

– Есть, милорд!

Вестовой, лейтенант Люмпен, отбыл. Лорд Дилени подумал, что не нужно было «призывать» в армию чёртовых вторых и третьих, или даже десятых сыновей придворных. Они сюда, в серые и казённые армейские будни, насквозь пропитанные потом, людским и конским, мочой, пылью, и прогорклым маслом, а теперь ещё и нефтью, вписываются, словно букет изысканных роз в навозную кучу. Один щегольской плюмаж на каске лейтенанта чего стоит. Да и запах... Он бы мог поспорить, что после лейтенанта в воздухе остался запах чёртовых духов. Жасмин, что ли, будь он неладен?.. Похоже, не любит щёголь того, как пахнет казарма и отдельные её представители. Вот и пытается оградиться хотя бы так. Да и ... с ним.

Хотя, вот, например, для службы вестовым молодой усатенький пижон вполне подходит. Память у него отменная – запоминает всё, буквально до последнего слова. Но насчёт посильного участия в реальной битве... Вот именно – гх-м!.. И мышц не наблюдается, и тренировками и отработкой приёмов франт явно... Пренебрегал!

Что не помешает ему после окончания кампании получить какие-нибудь медали – уж папочка, вице-канцлер лорд Люмпен, похлопочет... Дилени оглянулся через плечо:

– Милорд лейтенант! Распорядитесь, чтоб наш первый и второй батальоны выдвигались сразу – за повозками. Однако пусть не подходят ближе, чем на сто шагов к тем лучникам, что сейчас уже лежат на позициях перед каждым воротами. Их задача – прикрывать подразделения, что будут выполнять боевую задачу, не мешаясь у них под ногами, а только страхуя. Третий батальон пусть пока остаётся в резерве, здесь. Расположиться приказываю во-он в том, том, и вон том редутах противника. Поротно. – Дилени не постеснялся указать рукой. Лейтенант Хьюстон, его личный вестовой, отдал честь:

– Слушаю, милорд! – после чего спокойно, не стараясь произвести впечатление показной суетой, но и не мешкая, спустился с помоста у парапета крыши, направившись вниз, к своему коню. Лорд Дилени подумал, что правильно поступил, назначив офицеров в *своё* подразделение самостоятельно. Выбрав не щегольских «сынков», а старослужащих. Пусть иногда и вредных, и строптивых, и привыкших полагаться на Уставы да Регламенты, но – профессионалов.

Кони, приписанные к передвижному командному пункту первого, сейчас переданному под начало лорда Дилени, полка лучников, были привязаны внизу, в ворот одного из сохранившихся несожжённым редутов второй линии, расположенного почти в центре этой линии. Правда, лорд Дилени всё равно предпочитал более резвым и молодым кобылам и жеребцам своего, пусть медлительного, но такого надёжного и сильного Спокойного. Да и по снежной целине тот всегда двигался уверенно и плавно, словно галера лорда Ван Ден Граафа – по реке Теннор. И безошибочным внутренним чутьём жеребец всегда избегал кротовин и скрытых снегом ям.

Сейчас, с высоты двадцати с лишним футов над поверхностью холмистой равнины перешейка, Дилени было уже отлично видно в сером сумраке начавшегося дня, Море блестящих

рыб, незамерзающие валы которого всегда наполняли перешеек мерным рокочущим гулом, и плоскую поверхность Энгаденской трясины по другую сторону перешейка. И, разумеется, отлично были видны чадающие и возносящие к небу жирный густой дым, руины девяти оставшихся сейчас позади, сожжённых, пусть ещё и не до конца, редутов. Пованивающих горелыми запасами мяса. К счастью – только коров и овец.

Стоя, словно трагические памятники-надгробья, вокруг мрачно чернели и опустевшие громады тех редутов, контингент которых был выкошен лучниками его, и второго полков. Третьему, сторожившему третью линию редутов, полку, пока в дело вступить не довелось. И твердыни бревенчатых редутов третьей линии обороны противника в полумиле впереди словно застыли в тревожном ожидании, предвидя свою незавидную участь.

Видно было и тёмную громаду леса за редутами – территория врага. Куда им, солдатам его Величества, предстояло добраться рано или поздно.

Лучше рано. Потому что люди за эти суматошные дни и устали, и продрогли...

Убедившись в том, что упрямые командиры последних тридцати редутов почему-то больше не желают подставлять своих подопечных под смертоносный град стрел, ни спереди, ни сзади, лорд Дилени спустился с крыши вниз, на верхний ярус захваченного (А точнее – просто опустевшего! Внутри не осталось ни единой живой души!) редута. Невольно зябко поёжился – температурный контраст потрясал.

Да, здесь, внутри, было куда теплее. И не то, что людям, а и более теплолюбивым ящерам, вынужденным, как показал осмотр убитых часовых, для выхода на мороз, на дежурство на часах, одевать три пары штанов, и пять – рубах, явно было вполне комфортно.

Лорда Дилени с самого начала интересовало, как тут и что устроено, да ещё таким образом, что огромный для такого сравнительно небольшого внутреннего пространства контингент чёртовых ящеров – не теснится, словно сельди в банке, и не мёрзнет! Ну а теперь он то, что и подозревал с самого начала, пройдя от нижнего уровня до наблюдательной площадки на крыше, увидел и воочию.

Всю внутреннюю, центральную и пустую, часть трёхъярусного строения занимали четыре сделанных из глиняных кирпичей, печи. Вернее, это фактически была одна большая, с общей полкой, печь, имевшая четыре противолежащих, и расположенных по сторонам света, зёва для сжигания топлива. С четырьмя, сходящимися в одну, общую, трубу квадратной формы. Топилась эта глиняная четырёхкамерная печь дровами. И этими самыми дровами были заполнены все кладовые на первом, самом низком – каких-то шесть футов! – ярусе. Не совсем грамотно: именно то, что огонь от подожжённых наружных стен-брёвен перекинулся на такие вот хранилища, и гарантировало, что редуты наверняка выгорят, хоть и имеют заглубленный до самого скального основания, фундамент! Прогорят они наверняка насквозь, пусть на это и уйдёт двое-трое суток. Зато можно смело сказать: находиться, прятаясь, или просто выжить в таких кострищах-гекатомбах не смогло бы ни одно живое существо!

На втором, пятифутовом в высоту, ярусе, хранились продукты. Причём – у внешних стен редута. В отдельных, небольших и надёжно отделённых от внутреннего обогреваемого пространства редута стенами-перегородками, тамбурами, и дверями, комнатках-клетушках. Грамотно: тут из-за холода, методично и гарантированно проникающего сквозь щели в наружных стенах, сохранялась зимой очень даже минусовая температура. А мороженное мясо хранится, как известно, неограниченно долго...

На третьем, верхнем, ярусе, имелись только жилые комнатёнки. Без дверей, похожие, скорее, на отсеки: в них, прикреплённые прямо к стенам-перегородкам, и располагались нары и полки, на которых ящеры и ночевали. Здесь, наверху, под самой крышей, было тепло даже сейчас, когда огонь в печах почти угас. Нужно, кстати, не забыть приказать подбросить этих самых дров! Да и кушать его людям будет вполне удобно в одной большой комнате-столовой, где наверняка и проходили трапезы ящеров, судя по огромному длинному столу и длинным же

массивным скамьям. Правда, вряд ли они могли разместиться тут все за одну смену. Скорее – в пять: не больше, чем по тридцать-сорок за раз... Да и ладно: вряд ли это создавало неудобства в организации таких трапез их начальству. Ведь по уверениям лорда Юркисса ящеров достаточно кормить раз в день.

А то – и в два!

«Наблюдать, как с каждым новым оборотом рукоятки тисков изящная маленькая ступня, зажата меж их стальных губок, превращается в бесформенное плоское месиво, было бы занятно. Если б не поистине дикие вопли моей подопечной. Похоже, у неё уникальный голос. И именно он вызывает дурацкий резонанс в моём огромном каменном подвале, больно бьющий по ушам чёртовым эхом. Вот же достала, зар-раза...

А поскольку разнообразием она меня больше не баловала – то есть, не проклинала и не обзывала, а просто орала как резанная, монотонно-писклявым, похожим на визг кастрируемой свиньи, голосом, мне эти раздражающие, чередующиеся с краткими моментами судорожного всхлипывания, когда она набирала в грудь новую порцию воздуха, паузами, пронзительные выкрики, быстро наскучили.

Заткнул ей пасть кляпом, да закрепил полоской ткани. Ну вот: порядок! Теперь только головой мотает, мычит, да рычит. Ну и ещё смотрит. А уж как смотрит!..

Куда там любой змее.

Ладно, похоже, кости правой ступни полностью раздроблены и напоминают теперь, скорее, обломочки щебня. Мелкие такие обломочки: губки тисков сошлись до расстояния в полдюйма. И дальше не позволяет продвинуться даже удлиняющая рычаг труба. Стало быть – переходим к левой ножке. Но перед этим...

Подошёл я к жаровне. Вынул оттуда особенно хорошо разгоревшуюся головню. Показал ей: вот, голубушка, полюбуйся!

После чего спокойно и аккуратно подложил пылающее смолистое поленце на решётку под её сиденьем.

А сиденье, на котором она сейчас сидит (Простите уж за тавтологию!) тем, чем положено сидеть, сделано из тонкого медного листа – не больше одной десятой дюйма в толщину! То есть – прогревается быстро. А то, что на ней нет никакой одежды, гарантирует, что это тепло поступит как раз туда куда надо – без потерь и заминок.

Вижу, не прошло и полминуты, как оказал огонь своё действие: глаза выпучились, словно сейчас выскочат из орбит, дама снова стала выть, рычать, и извиваться, и даже делать попытки встать. И это – несмотря на то, что изуродованная правая ножка ну никак ей в этом помочь уже не может! Впрочем, как и прикрученные намертво к подлокотникам ручки. Как не поможет и то, что она начала бешено дёргать плечами, так, что затряслись, словно сейчас оторвутся, милые упругие груди, и слёзы так и брызнули из оставшихся до сих пор сухими, выразительных миндалевидных глазок. Сейчас вытарщенных, словно у рыбы-телескопа. Похоже, про «гордость» моя подопечная наконец забыла: теперь жалобно поскуливает и постанывает в промежутках между заглушённым кляпом рёвом – словно побитая собачонка!

Вот так, милая моя!

Я всегда найду способ поставить на место и прищучить любых «гордячек»!

Ну ладно: буду гуманным. Тем более, что мне ещё этой её штучкой, что сейчас рискует превратиться в подгоревший лангет, пользоваться! Я же не чудовище какое-нибудь, чтоб вот так, сразу, оставить девушку без кожи на самом причинном месте! Мне достаточно, если оно просто будет покрасневшим, словно панцирь у варёного омара.

Факел убрал на место – в жаровню. А на нижнюю поверхность её сиденья плеснул водички из миски, стоящей для такого случая тут же, рядом.

Ух, как там, под сиденьем, зашипело, и пар так и повалил!

Дама изволила что-то промычать невнятное, (А ещё бы – с кляпом во рту не больно-то поговоришь – внятно!) подкатить к небу снова сузившиеся до нормальных размеров глазки, и потерять сознание.

А ничего.

Никуда она (Ха-ха!) не денется, так что пусть себе «отдыхает».

А я пока позавтракаю.»

То, что вражеские подразделения из третьей линии редутов не спешат выскочить на заснеженное поле, что спереди, через ворота, что сзади – спускаясь по верёвкам и лестницам, и подставиться под убийственный обстрел только этого момента и ждущих лучников третьего полка, лорда Дилени, если быть совсем уж честным, не удивило.

Да, он так и предполагал, что те менталисты, что оставались в ещё целых крепостях-редутах первых двух линий, выгнав на уничтожение стадо своих баранов, обменивались посланиями и между собой, и с менталистами этой, последней, линии обороны. Разумеется, сообщили, что и как. И что напротив единственного (Глупо с точки зрения стратегии, но рационально с точки зрения тактики: штурмовать можно только одни ворота!) выхода лежат, нетерпеливо и с вожделием этого ожидая, отлично обученные и обеспеченные огромным запасом смертоносных, несущих смерть с большого расстояния, бронебойных жал, элитные стрелки. И что ни сзади, ни с боков, ни по верёвкам, ни как-то иначе, спустить контингент тоже не удастся: всё перекрыто! (А подземными ходами редуты соединить было невозможно: хоть тут тот факт, что после двухфутового слоя каменистой почвы идёт уже монолитная скала, наконец-то сыграл в пользу армии Тарсии!)

Однако именно о таком развитии ситуации и предупреждал главный циник и прагматик их страны. Он даже высчитал вероятность именно такого исхода первой атаки, и сообщил, что шансов на выжидательную позицию оставшихся менталистов – пять к одному.

Правда, он предполагал, что затаятся, выжидая, подразделения и второй и третьей линий. Вот порадовался бы, узнав, что мозга начальникам второй линии не хватило...

Лорда Дилени теперь поведение этих самых менталистов, представляющих неким образом подобие вражеского Штаба, не волновало. Не хотите подставлять своих подопечных обстрелу и холоду – ничего страшного для армии Тарсии. Потому что подставите тогда своих тварей теплу, жару, нестерпимому жару, а затем – и бушующему подобно урагану, пламени, и риску сгореть заживо. И всё равно – обстрелу!..

Он махнул рукой. Сигнальщик замахал флагом. Послышался голос лорда Бориса.

Старший сержант Борде на всякий случай всё равно продублировал приказ и своим голосом, хотя при свете светло-серого шара, каким выглядело чуть вылезшее над горизонтом зимнее солнце сквозь пелену монолитно-свинцовых туч, сигналы, подаваемые руками и штандартами, и свистками, было и так отлично видно и слышно. И пусть враг их эти сигналы пока и не понимает, даже если и следит, ничего: всё равно выучить не успеет!

Девять отделений спецроты лейтенанта Бориса начали свою кропотливую работу.

Поскольку опасаться вражеского ответного огня было не нужно, они не таясь, и только прикрываясь сверху огромными щитами, снова принялись таскать к стенам очередных девяти редутов третьей линии бурдюки из телег, остановившихся в каких-то пятидесяти шагах: лорд Борис посчитал, и лорд Дилени с ним согласился, что подвозить эти телеги ближе всё же опасно. Мало ли: кинут из редута факел, упадёт он перед мордой запряжённых тяжеловозов, а те и бросятся в сторону, возможно, даже опрокинув телегу со столь ценным грузом!

Полив брёвен проходил практически без помех со стороны обороняющихся: пока двое диверсантов таскали туда и сюда огромный массивный щит, третий солдат спокойно нёс бурдюк: туда – полный, обратно – пустой. Поливали обстоятельно и методично.

Тактика вполне оправдала себя. Люди лейтенанта Бориса лишь несколько раз получили по щитам и закрытыми латами рукам: бросаемыми в них камнями и поленьями! Да и то сказать: не приспособлены, как они уже видели, лапы ящеров для стрельбы из луков, и метанию – что копий, что камней с поленьями...

Больше всего бурдюков лейтенант Борис приказал опорожнять на ворота, и лорд Дилени вполне понимал его замысел: выбегать из постепенно превращающегося в подобие жерла печи, строения, ящеры рано или поздно начнут. Так пусть же будут прорываться, получая ожоги, и прикрывая глаза!

Стрелять по таким беспомощным мишеням – конечно, подло, зато – эффективно.

А они, армия Тарсии, как неоднократно говорилось на Советах Штаба, сейчас не в таком положении, чтоб позволить себе воевать «как положено», то есть – в соответствии с Кодексом. Будь то воинской чести, будь то – правилам поведения на турнирах. Люди, которых удалось собрать с помощью мобилизации – последние! То есть – действительно последние. И то, что тут есть и тринадцатилетние подростки, только-только могущие удержать как нужно копьё или меч, и пятидесятилетние старики, у которых уже трясутся руки, и хват рукояти слабоват – тресни как следует по их мечу, он и выпадет! – говорит о том, что рисковать игрой в «благородство» командиры Армии просто не имеют права!

С другой стороны, лорд Дилени глубоко внутри понимал, что они создают опасный прецедент. И оправдание бессовестных поступков и приказов «рационалистичностью» может далеко их завести... Если вовремя не остановиться!

На переноску, равномерное обливание бревенчатых стен по всему периметру, и опорожнение всех запасов, предназначенных для девяти первых редутов, ушёл всего час: ведь теперь не нужно было преодолевать почти четверть мили, ползком, да ещё в маскхалате. И вот всё и закончено.

Лорд Дилени вышел вперёд, встал в тридцати шагах перед воротами ближайшего, первого, редута. Закричал:

– Внимание! Я обращаюсь к вам, командиры подразделений армии лорда Хлодгара! То есть – к тем, кто мысленными приказами гонит на верную смерть войска из ящеров и обезьян. Вы видели и знаете, что случилось с девятью сожжёнными и пятьюдесятью остальными редутами первой и второй линий, и их защитниками. Вы видели, и видите, что наши доблестные лучники стреляют без промаха. И что ваши редуты окружены. И шансов вступить с нами в рукопашный бой у вас и ваших подопечных попросту нет!

Поэтому, проявляя гуманность, мы предлагаем вам сложить оружие, и выйти к нам с белым флагом и поднятыми ру... э-э... лапами. И сдаться.

Мы гарантируем всем сдавшимся и сложившим оружие – жизнь!

На размышление вам даётся пять минут. Время пошло.

Он повернулся спиной к воротам, и отошёл к своему полевому штабу: пятерым молчаливым, и сердито зыркавшим на чёрную громаду, возвышающуюся в ста шагах, офицерам – командирам батальонов, полковому горнисту, и посыльному-вестовому.

Он уже не сомневался, что пять минут пройдут в бессмысленном ожидании. Потому что каким бы неумелым и слабым «приёмщиком» чужих мыслей и эмоций он ни был, ощутить волну всепоглощающей чёрной ненависти и злобы, исходящую из недр твердыни, было нетрудно. Она даже почти не убывала с расстоянием, и когда он опять повернулся лицом к редуту, уже вновь забравшись в седло, ненависть, страх и лютая злоба ощущалась всеми клеточками тела. Майор Гельмут Паульссон, уса́тый ветеран со шрамом во всю правую щёку, командир второго батальона, буркнул:

– Простите, милорд, но похоже, ваша блестящая речь пропала втуне. Я буквально затылком ощущаю, что те, кто там сидит, ненавидят нас... э-э... чертовски сильно! И не сдадутся

никогда! И если о чём и сожалеют, так это – не о жизнях этих бедолаг-ящеров, а о том, что не удастся забрать с собой в ад души наших бойцов!

– Согласен с вами, милорд Паульссон. Я и сам ощущаю эту злобу и ненависть – но не затылком, а мозгом. Думаю, речи о том, чтоб постараться перевербовать, или, тем более – вразумить наших бывших братьев, то есть – людей, уже не идёт. Зомбировав и переделав их чёрный Властелин капитально. Так что исправить их психику мы не сможем.

– Почему же, милорд? Очень даже сможем! – это в беседу вступил молодой, на год моложе самого Дилени, капитан Марио Улисси, сын королевского интенданта, что, как ни странно, не мешало ему быть образцовым и добросовестным служакой, – любую тварь с любой «психикой» можно отлично исправить хорошей стрелой между глаз!

Остальные офицеры сдержано похмыкали, что, очевидно, должно было изобразить смех. Лорд Дилени сказал:

– Да, убить их всех сейчас не трудно. Трудно *понять*, что сделал с ними враг такого, что они превратились из людей – в монстров. Уродов, остро ненавидящих своих же бывших соплеменников. И готовых слепо отдать за Хозяина жизнь.

Мне представляется важным прояснить этот вопрос. Поэтому, господа офицеры.

Приказываю: после того, как отстрел выбегающих будет закончен, тщательно осмотреть трупы всех, кто пытался выбраться из горящих редутов. Потому что как мне кажется, на этот раз эти самые люди-менталисты не будут отсиживаться внутри до последнего, чтоб потом покончить с собой. А попробуют выбраться из твердынь, смешавшись с толпой своих подопечных, а потом постараются незаметно для наших людей скрыться за редутами, двигаясь возле самых стен, пригибаясь, или вообще – ползком. И побегут к каменным крепостям. Чтоб доложить о произошедшем. Тем, кто засел там.

Хорошо бы добыть хотя бы одну такую личность, пусть и раненой, но – живой! Предупредите стрелков. Если заметят фигуру, пытающуюся скрыться, и похожую на человеческую – пусть только рванят! Желательно – в ноги! Задача понятна?

– Да, милорд.

– Так точно, милорд.

– Да, милорд полковник.

– Цепь из полковых разведчиков растянулась вдоль линии редутов, с севера?

– Да, милорд.

– Отлично. Отправляйтесь по местам. Передайте своим ротным и взводным моё слово: добывшему живого менталиста лично я гарантирую следующее внеочередное звание, и кошелёк с сотней золотых. Плюс благодарность командования – его командиру.

Отказырав, трое майоров отбыли. Дилени знал и понимал, что сейчас все они напряжённо размышляют над тем, что приказал им молодой свежеиспечённый полковник. Но открыто саботировать его, как они наверняка считают, идиотский приказ, уж точно не посмеют! Нрав у лорда Дилени крутой, и покровительствует ему сам лорд Говард. И, по слухам, даже его Величество.

Так что – глупый там, не глупый, приказ, а передать по частям придётся.

Но лорд Дилени, прекрасно представляющий, что происходит сейчас в головах его пусть и более пожилых и умудрённых, но не столь разносторонне изучивших проблему, непосредственных подчинённых, тем не менее об этом не волновался.

На самом деле он думал, что куда более серьёзная и даже в какой-то степени страшная проблема перед ними встанет, если его ультиматум как раз – примут.

Потому что где прикажете разместить, и чем кормить эти самые оставшиеся в тридцати редутах четыре-пять тысяч ящеров и бабуинов?!

«Да, если говорить совсем уж честно – я ждал их прихода.

Так сказать, неофициального визита.

И я даже подготовился: поскольку ванны у меня нет, пришлось потребовать внеочередного омовения: с тазиком и неизменным кувшином... Не фонтан, конечно, но позволяет подерживать тело в относительной чистоте. Раз в неделю – вполне достаточно, но сейчас так вышло, что пришлось вымыться через три дня после очередного банного дня. Зато после того, как обработал кое-какие места тела лавандовой водой, моё, извините, «амбре», удовлетворило бы самый, как говорится, изысканный вкус.

Дамы, понятное дело, появились после завтрака. Всё верно: когда же ещё наносить деловые визиты, как не с утра? Особенно, если муж и патрон накануне уехал «по делам».

Государственным!

А то, что дату этих самых «дел» назначил фактически я, первым девушкам королевства знать не обязательно. Хотя, думаю, они обе прекрасно догадались и сами. По моим сведениям умом с ними, этими самыми дамами, могу потягаться разве что... Я.

Ладно. Что бы про меня не говорили, с леди я стараюсь быть вежливым. По возможности. Поэтому приветствовал их, приподняв свой худосочный и чувствительный на старости лет к жёстким поверхностям зад с любимого кресла, и наклонив верхнюю половину туловища – в подобие поклона:

– Позвольте выразить вам моё глубочайшее почтение, ваше Величество! И вам, миледи первая фрейлина! И поприветствовать в моём скромном жилище аскета.

Продолжать не стал, потому что они наверняка ждали реплики типа «чему обязан столь неожиданным визитом?» А для меня так – вовсе не неожиданным. Чуюла моя та самая часть тела, которая стала худосочной, что визит воспоследует. Только не думал, что состоится он вот прямо на следующее утро после отбытия его Величества из Клауда на войну. Рассчитывал, что они «надумают» всё-таки после обеда.

Ну, значит, назрела проблема.

Которая обозначилась полгода назад. И про которую я всё понял сразу после того, как его Величество изволили забрать на «просмотр» мои скабрзные «замечочки»...

На приветствие мне ответили не сразу, поскольку девушек явно поразил и вид моей берлоги, и тот факт, что от меня вовсе не разит застарелым потом или мертвечиной. Впрочем, злые языки плетут обо мне ещё и не такое – например, «украшают» меня зубастым оскалом волка-оборотня, и улыбкой вурдалака... Плюс взгляд василиска. Но наконец леди Наина всё же решила, что ответить нужно. Хотя бы для того, чтоб не уронить лицом в грязь так называемое королевское самообладание и достоинство:

– Выразить *вам*, милорд, *наше* почтение нахожу несколько бессмысленным. Да и жилище ваше... Нисколько келью скромного отшельника не напоминает. – тут она обводит стены взором монашки, увидавшей развешенные там мужские..., хотя там кроме коллекций экзотических бабочек, тропических лягушек, и жуков ничего нет. Ну, кроме персидских ковров, разумеется.

Поскольку она заткнулась, я нашёл нужным заполнить возникшую паузу. Потому что если леди не смогут со мной общаться так, как посчитают удобным для себя, они могут и обидеться. Нет, не на себя – за то, что так подвержены канонам условностей, в обиходе именуемым придворным этикетом. А, как это свойственно всем женщинам, будь то умным, или... э-э... назовём это – красивым, на меня. Что сделал наше общение затруднительным. Заставив их оскорбить меня, и от этого смутиться, и покусывать губки, как уже начала было леди Рашель, поняв, что реплика королевы получилась не слишком удачной.

Для нахождения общего языка.

А найти его они явно хотели бы. Пусть и с пренебрежением и опаской относятся к маньяку и выродку, но что-то им от меня уж точно – надо! Ха-ха: знаю я, что...

– Возможно, ваше Величество, возможно. Я имею в виду, что возможно не так представляют себе скромное жилище те, кто не принадлежит к сословию смердов и простолюдинов. Но с точки зрения первых лиц государства оно несомненно таковым и является. Ведь у меня даже нет ни единого слуги. И одеваться и следить за своим туалетом, и порядком в моих «покоях» мне приходится самому.

– Смотрю, это получается у вас, милорд, неплохо. Мы, не сказать, что поражены, но испытываем некое... Приятное недоумение, видя вполне комфортные условия обитания, и даже обоняя... вполне приятные запахи. Что странно.

– Не могу не поблагодарить ваше Величество за столь лестное мнение о моих скромных способностях в качестве мажордома и камердинера. А насчёт запаха – я ведь, насколько мне позволяет моя скромная память, помню, что вы, ваше Величество любите именно этот запах. А леди Маргарет, если я ничего не путаю, предпочитает жасмин?

Вижу, как вспыхнуло лицо первой леди государства, а леди Рашель только огромным усилием удержалась, чтоб не закусить губы. Блинн. Уж эти-то две умных и отлично владеющих собой леди должны хотя бы постараться скрыть, что поражены до глубины души. Но вот королева и оправилась:

– Ах, да. Верно. Его Величество упоминал, что вы ничего не забываете. И знаете всё обо всех.

– Ну что вы, ваше Величество! – одеваю на лицо подобие подобостарстно-угодливой улыбки. Думаю, именно таким выражением взор королевы услаждают все эти окружающие её лизоблюды. Так что она должна (Ну, по-идее!) почувствовать себя вполне в своей тарелке из-за привычности системы взаимоотношений «госпожа-раб». – Как я, старик, обладающий более чем скромными интеллектуальными возможностями, и ещё более скромными возможностями в плане общения и перемещения, могу знать *всё* – про *всех*?! Нет, конечно! Однако было бы искажением фактов, если б я сказал, что не знаю ничего ни про кого. Так, отрывки, обрывки. Мелочь там, намёк тут... Я уподобил бы себя древнему коллекционеру, – обвожу рукой стены со щитами прикрепленных насекомых и земноводных, – Может, знаете: было такое хобби, переходящее в манию у некоторых особо страстных личностей, тогда, во времена Предтеч... Только я коллекционирую не марки, не скульптурки-магнитики, или подкладки от пивных кружек.

А факты. – мгновенно возвращаю серьёзное выражение на лицо. Женщины невольно вздрагивают – так же делает и лорд Говард, мой высокопоставленный и «горячо любимый» чёртов племянник, когда такое происходит. Думаю, он считает, что моё лицо в такие моменты становится... Несколько пугающим. Колючие пронзительные глаза, заострённый нос, придающий мне вид хищной птицы, и стальные обертоны в голосе – это вам не хухры-мухры! Однако не пугать их я планировал.

Поэтому одеваю на лицо теперь нейтрально-официальное выражение:

– Но моё основное хобби сейчас, когда почти единственное удовольствие, что дряхлому старику осталось от этой брэнной и подходящей к концу жизни, это – размышления. А для этого мне необходимы тепло, уют, и вкусная пища. Ну и разумеется – общение.

С интересными людьми.

А единственная польза, которую я могу приносить нашему любимому государству и государю – это, конечно, советы.

Дружеские советы, которые я по своему скудоумию и наивности, пытаюсь, когда меня об этом просят, давать. И скромно надеюсь, что они, эти советы, оказываются, хотя бы иногда, полезными. Ну, или, во-всяком случае, не вредят!

Наконец-то королева прочувствовала юмор ситуации. Потому что рассмеялась. Непридуманно и с долей самоиронии. Ну вот: теперь она в порядке, и может снова разговаривать со мной на равных, а не как госпожа с рабом, или тюремщик – с заключённым:

– Ваш юмор, милорд, поистине бесподобен. Как и скромность. Это вы – скудоумны? И ваши советы *иногда* оказываются полезны? – она оборачивается, словно за поддержкой, к своей спутнице, которая за всё это время не то что не проронила ни слова, но и не издала ни звука, – Как вам нравится такое заявление, моя дорогая?

– С позволения вашего Величества, совсем не нравится. Думаю, не сильно погрешу против истины, если скажу, что вся внешняя политика, и оборонная и наступательная доктрины нашей доблестной армии строятся сейчас на предпосылках и тезисах, обоснованных и предложенных лордом Юркиссом. Да и сейчас, если стратегия нападения, о которой упомянул его Величество, окажется успешной, и мы навсегда разделаемся-таки с лордом Хлодгаром и его тварями, обязаны этим мы будем несомненно – этому человеку!

Её Величество оборачивается вновь ко мне:

– Что вы скажете на это, неплохо, на мой взгляд, сформулированное, высказывание, лорд юморист и скромник?

– Скажу, ваше Величество, что переоценка моих способностей порой может быть столь же опасна, как и недооценка. Я всего лишь – «кабинетный» аналитик. По крупницам собирающий информацию. Осмысливающий её. И перерабатывающий в некие... предложения. А уж преобразовывать ли эти предложения в конкретные приказы и дела – решать только его Величеству!

– Тоже неплохо сформулировано. А главное – на этот раз вполне правдиво. Без ложной скромности. И витиеватых хождений вокруг да около.

Она на секунду умолкает, и я вижу, что, похоже, наконец вводная часть обмена «любезностями», как их называют на языке придворных шаркунов, а проще говоря – шпильками, подходит к концу. И дама наконец соблаговолит перейти к тому, за чем они сюда заявились. То есть – к делу. И это хорошо, что не я стал выспрашивать, за каким...ем они припёрлись ко мне, а она сама начнёт.

Потому что древний закон любых народов и переговоров «на высшем уровне» гласит, что кто первым перешёл от экивоков к делу – тот, как правило, и проиграл!»

Когда прошли отведённые на раздумье пять минут, лорд Дилени не стал выделяться, или как-то комментировать глупость или раболопную готовность принять смерть за Хозяина тварей, засевших сейчас в подготовленных к сожжению редутах-гекатомбах.

Он просто махнул факельщиком.

Те практически одновременно подожгли свои редуты – по всему периметру.

Поскольку масла и нефти не жалели, отработав и определив нужное количество горючего на тренажёрах-бараках, построенных на полигоне из таких же брёвен, ещё осенью, всё загорелось как надо. Правда, если б огонь раздувал порывистый и сильный осенний ветер, как было во время учений и проверок, было бы куда лучше. А так, из-за того что днём зимний ветер практически стихал, приходилось факельщикам бегать вокруг бревенчатых строений, прикрываясь уже небольшими щитами, и продолжать поджигать в тех местах, где огонь оказывался послабее... Но так или иначе, через три-четыре минуты весь периметр всех девяти «обработанных» редутов был охвачен вновь могуче загудевшим пламенем, и лучники, стоящие напротив каждых ворот, приготовились.

Лорд Дилени порадовался, что первая линия и вторая линии захвачены или уже уничтожены – высвободившиеся, и резервные подразделения армии Тарсии теперь усиливали все те взводы, что до сих пор располагались напротив тридцати упрямо несдающихся редутов, и, соответственно, их тылов.

Армии их страны нужно закончить всё быстро.

Ведь как бы ни были хорошо одеты, и выносливы и тренированы люди, дольше нескольких часов на таком холоде не выдержать и им! При планировании операции Штаб оценил время

между поджогом первых девяти редутов и поголовным истреблением контингента оставшихся, примерно в три – три с половиной часа.

Но сюда ещё надо добавить время, что ушло у лучников, чтоб добраться до укрытий, вырытых перед воротами всех восьмидесяти девяти крепостей, (Ещё три часа! Причём – в самых жутких условиях: в темноте и на морозе!) и то, что пройдёт, прежде чем удастся завершить полный разгром и уничтожение врага, и отогреться в тепле оставшихся бы целыми, бревенчатых сооружений... Которые интендантские взводы уже приводят в надлежащий вид: топят там печи, убирают мусор, и так далее.

Поэтому он порадовался, что проклятый выродок предусмотрел и это: помнящий циничные раскладки милорда Юркисса лорд Дилени сам приказал от души натопить массивные печи оставшихся совершенно целыми тридцати редутов второй линии. Оставив пока без присмотра двадцать – из первой.

Даже в этих тридцати очень даже легко разместится вся Армия Тарсии: три полка лучников, и один – пехотный. Разумеется, уйти туда греться и отведаться они смогут не сразу, а только когда не останется опасности поблизости!

То есть – живых ящеров и бабуинов из гарнизонов редутов. И крепостей.

Но вот наконец жар от полыхающих брёвен стал настолько силён, что начал ощущаться на лице и здесь, в ста с лишним шагах от поднимающихся на сорокафутовую высоту языков гудящего подобно водопаду пламени.

Лорд открыл было рот, но не успел: ворота всех редутов последней линии, что полыхающих, что пока не тронутых, открылись одновременно!

Он сразу увидел, что эту самую третью линию обороняли в-основном обезьяноподобные твари. И уж движения этих-то никак нельзя было назвать замедленными или неуклюжими! Да и звуки, которые наконец разнеслись из щерящихся клыками и брызжущих слюной пастей, не позволили бы усомниться, что уж их обладатели молчать не собираются! А собираются вот именно – остервенело биться!

Правда, гам и рёв быстро заглохли в заглушающей любые резкие звуки равнодушной к чужим страданиям пучине снежной целины. Поскольку даже те, то ли наивные, то ли глупые, то ли выполняющие приказ обезьяны, что попытались-таки попрыгать с вершин неподожжённых редутов, оказались чертовски быстро перебиты резервными лучниками, расположившимися вокруг редутов, и позади тех, кто обстреливал ворота. Лорд Дилени порадовался: не зря, значит, подстраховался, направив высвободившиеся взводы туда: лучники их страны легко били прыгавших даже «в лёт»!..

Так что не помогли обороняющимся ни крики, ни прыжки. Что с фронта, что с тыла.

Вот он и настал: долгожданный час. Отмщения.

Расплаты за многолетнюю жизнь в томительном ожидании и страхе. А уж что говорить про убитых, раненных, и превращённых тварями в полуинвалидов людей...

Не было в Тарсии такой семьи, где не погиб бы, или не пострадал хоть кто-то.

Через десять минут с огромным контингентом приграничных укреплений, долгое время считавшихся непреодолимой преградой на пути к землям лорда Хлодгара, было окончательно покончено.

Избиение происходило быстро и эффективно. Луков или арбалетов у обороняющихся действительно не имелось. Несколько сотен нашедшихся у бабуинов копий оказались брошены неумело: лучники в свете даже утреннего тусклого солнца легко уворачивались. Те же бедолаги, кто копий не бросал, сжимая их волосатыми лапами до последнего, до людей попросту не добрались, превратившись очень быстро в подобие подушечек для булавок.

Бронебойные наконечники легко пробивали тела что бабуинов, что немногочисленных ящеров, и трёхфутовые мощные стрелы проходили буквально насквозь. Воины, прослушавшие перед выступлением в поход гневно-пламенную речь лорда Говарда, осознавали, что они

– мстители. И от них зависит, продолжатся ли нападения на родную страну, или Зло будет наконец вырвано с корнем! Так что сил, натягивая тетивы, никто не жалел. А уж про то, что армейские луки – самые мощные, можно не упоминать...

Но вот твари, вытекавшие тёмно-серыми в свете пасмурного дня потоками из всех ворот – наверняка менталисты решили попробовать не распылять силы, а сразу ломануть толпой: постараться взять тем, на что изначально и рассчитывали: числом! – и кончились. Кравшихся вдоль стен, или прячущихся за спинами монстров менталистов лорд не заметил. Хотя и старательно вглядывался с помощью своей подзорной трубы. А бежать со стороны тыла было уже абсолютно невозможно: огонь по периметрам редутов полыхал уже воистину непроходимой, сплошной, стеной! Оставались, разумеется, и неподожжённые редуты, но к таким он именно поэтому и отправил дополнительное прикрытие.

Нет, никто не стремился избежать бессмысленной смерти. И она сейчас полновластной королевой царила над огромным пространством заснеженной равнины.

Те раненные твари, что не умерли сразу, просто замёрзнут через считанные минуты. Но отогреть и допрашивать их никто не собирается – они и говорить-то не умеют!

Лорд Дилени прикусил было изнутри губы. Потом вернул на лицо выражение деловой сосредоточенности: не хватало ещё, чтоб его новые подчинённые и офицеры видели, что он – вроде как жалеет чёртовых рабов-смертников!..

А он – не жалеет. Ему просто...

Стыдно.

К каменным твердыням вышли к вечеру. Предварительно пообедав, и наскоро отогретьшись в спешно натопленных и оборудованных редутах второй линии.

Подводы и телеги с мешками-снарядами подвозили уже не таясь, прямо по дорогам, проложенным от линий редутов очевидно вражескими подразделениями снабжения. А вот с баллистами и катапультами пришлось-таки повозиться: тяжёлые, хоть и широкие, колёса, буквально утопали в двухфутовом снегу целины, не позволяя просто так подвезти эти столь нужные сейчас конструкции на дистанцию выстрела.

Лорд Дилени не стал выступать с «пламенной» вразумляющей речью, а сразу приказал начать обстрел. Зашипели, разгораясь от встречного ветра, фитили, прикрепленные к мешкам. Прицел сразу удалось взять правильный: все мешки скрывались за стеной.

В первые полчаса гарнизону, очевидно, удавалось как-то справиться с вызванными разрывающимися так, что наружу выливалось до пятидесяти литров жутко горючей, и почти ничем не тушимой, нефти, очагами пожаров. Но после того, как обстрел усилился благодаря дополнительным четырём требуше, действие зажигательных снарядов наконец обнаружилось: над обеими крепостями стали чётко видны всё более и более густые клубы дыма. Показались из-за пятидесятифутовых стен и отдельные языки пламени, очень скоро благодаря продолжавшемуся обстрелу слившиеся в одно большое, гудящее и чадающее, кострище!

Лорд Дилени крикнул, предвидя проблемы:

– Лучники! Приготовьтесь! Сейчас полезут!

Никто, однако, не отворил ворота, и не выбежал. Как не стал и прыгать, или пытаться спастись по верёвкам, с тыла замков. Что было странно. Однако потом лорд Дилени подумал, что вероятней всего контингент просто решил отсидеться в подвалах.

Эта мысль оказалась верной.

Когда через три-четыре часа, после того, как там, за стенами, явно сгорело и прогорело всё, что могло гореть, и они проникли внутрь через рассыпавшиеся на отдельные чадающие головешки входные ворота, внутри всё ещё свирепствовала жуткая жара – лица солдат почти мгновенно стали красными, и из-под шлемов потёк пот. Запах стоял омерзительный: горелой плотью и палёной шерстью. Лорд Дилени приказал:

– Отбой штурма! Вернуться на исходные позиции!

Только через два часа, после того, как хотя бы немного остыли раскалившиеся чуть не до красна камни стен, они смогли войти.

Картина удручала. Похоже, очень многое тут, внутри, было сделано из дерева!

Межуровневые перекрытия, перегородки помещений, склады, казематы... Ну правильно: неприступными должны быть лишь наружные стены. А всё остальное может быть и из дешёвого и не столь долговечного материала... Вот всё это теперь и рухнуло, и лежало одной большой, отвратительно воняющей гарью, горелым мясом и падалью, кучей. Разгрести которую смогли начать лишь к утру.

Самые худшие опасения лорда Дилени подтвердились: все, кто составлял гарнизон обследуемой им крепости – спрятались в подвалах.

И попросту задохнулись, когда всепожирающий огонь высосал, ревя чудовищным Мальстрёмом, оттуда последний воздух.

Палёной шерстью и мясом воняло от тех обуглившихся единичных несчастных тварей, что, отчаявшись, пытались прорваться сквозь море огня туда – наружу...

– Вы, наверное, ждёте, чтоб мы сообщили вам о цели нашего, возможно удивившего вас, визита?

– Все нет, ваше Величество! Как вы легко могли бы вычислить, если не поняли этого до сих пор – а я не сомневаюсь, что поняли! – я ожидал вашего визита. И даже подготовился к нему, постаравшись сделать его... *Не* неприятным хотя бы в плане обстановки и запахов тут, в моей берлоге. – снова рисую обаятельнейшую улыбку на лице, и чуть кланяюсь, – Но возможно, вам в силу того, что мы... э-э... общаемся крайне редко, не совсем удобно заводить со мной разговор на интересующую вас тему. Поэтому...

Делаю приглашающий жест, и даже первым подаю пример, подходя к своему ярко пылающему камину:

– Поэтому я предлагаю вам, ваше Величество, на время отложить наш сугубо деловой разговор. И немного развеяться. С помощью одной истории, которую я вам, если, разумеется, будет на то ваша высочайшая милость, собираюсь рассказать. И показать.

Дамы заинтриговались – вижу, как задвигались ноздри у первой фрейлины, и чуть поджали губы у королевы. Но подойти за мной к камину обе не отказались. Похоже, перестали-таки бояться, что я захочу кого-нибудь из них, или даже обеих сразу – оглушить, связать, и изнасиловать! (Шутка. А, может, и не шутка. Потому что иногда так и подмывает... И только огромное самообладание не позволяет. Разумом-то я понимаю: его Величество не потерпит, чтоб кто-то наглый – да в его персональный огород!..)

– Позвольте показать вам, миледи, *это*. – снимаю с узорчатого завитка стоящего на каминной полке канделябра, и подношу с нижайшим поклоном её Величеству, небольшую вещицу, – Какова работа, а? Вы не находите, что резчик постарался на славу?

– Хм-м... – королева действительно с интересом и пристально рассматривает вещицу, иногда чуть отдаляя от глаз, и слегка шурясь, из чего я делаю немедленный вывод о том, что раннее старение и дальновзоркость свойственна, похоже, не только её сиятельному супругу, сиру Вателю, – Действительно, неплохая резьба по кости. Да и вещь, судя по тому, что кромки не затёрты, и по почти белому цвету, выполнена недавно. Взгляните-ка, милая. – она передаёт вещицу леди Маргарет.

– О, да! Просто прелесть! Настоящий легендарный дракон! Пожирающий свой хвост – как в сказках. И буквально каждая чешуйка видна! Но... Он великоват для пальца, и маловат для кисти. Даже детской. А тогда... – она вдруг замолкает на полуслове, и я вижу по расширившимся внезапно глазам, и участившемуся дыханию, что леди-то Маргарет уже догадалась об истинном предназначении драгоценного талисмана!

– Благодарю за столь лестное мнение об этом интереснейшем... э-э... талисмানে, миледи. Мне действительно приятно услышать ваше столь высокое мнение о ней. А ведь всё это вырезал... Я сам!

Вижу, что ротик моей королевы чуть съехал на бок, и ей не удалось удержать удивлённой реплики:

– Позвольте, лорд Юркисс. Уж не хотите ли вы сказать, что вы ещё и резчик по кости?!

– Да, ваше Величество, тот, кто создал меня, наградил меня ещё и этими – весьма скромными, разумеется, в сравнении с профессионалами! – способностями. Ну, плюс, понятное дело, упорство в обучении, и долгие, долгие часы кропотливых тренировок... А показать вам его, этот... Талисман я решил потому, что собираюсь поведать вам некую историю, связанную как раз с ним. И его назначением. Позвольте продолжить?

– Э-э... Да, продолжайте.

– Так вот, миледи. – очередной вежливый поклон, – Как вы несомненно знаете, в моём замке, в подвалах, была потайная комната. Оставшаяся от прадеда и деда. Отец мой почти не посещал её – как вы, вероятно, помните, он большую часть жизни посвятил военной службе: гвардия его Величества, и всё такое. И редко вообще бывал дома. А я всё больше потакал своим детским шалостям и капризам, и был как бы предоставлен в этом плане самому себе – мать поручила заботу о моём воспитании и образовании своей матери. То есть – моей бабушке. А та была женщина милая, но пожилая. И уследить за мной попросту не могла. Не успевала. И я, когда стал постарше, как-то пристрастился к посещению как раз этой комнатки.

Потому что именно там хранились древние фолианты, и – страшно сказать! – книги. Оставшиеся даже от Предтеч. А поскольку тогда, в бытность мою ребёнком, наш святой Конклав ещё не объявил все книги и рукописи, что отличаются содержанием от «Холи Байбл» – ересью, подлежащей немедленному уничтожению, и тех, кто сдуру прочёл их, или даже просто хранил – еретиками, я и успел... Начитаться. Вдоволь.

Разумеется, после моего ареста королевскими гвардейцами всё это было извлечено, осмотрено представителями Конклава. И сожжено. Что, на мой взгляд, разумеется, верно.

Хотя...

Кое о чём я всё-таки жалею. Там были такие... Занятные... Истории. В частности, одна – о том, как некоему древне-китайскому мандарину, то есть, императору, к старости стало не хватать жизненных сил. Ну, тех, что помогают в продолжении династии с помощью создания, так сказать, наследников. Да и самого процесса их, так сказать, изготовления. Этих самых наследников. А обеспечить престолонаследование ну очень хотелось.

И вот обратился этот мандарин к некоему, тогда славящемуся умом и врачебным искусством, лекарю.

Лекарь этот, надо отдать ему должное, излечил и правда – не меньше нескольких тысяч. И мужчин и женщин. И применял лишь травы, физические упражнения, да науку медитации. – вижу, что моя высокопоставленная госпожа начинает слегка терять терпение, потому что чуть слышно начинает постукивать носком мягкого тапочка по плиткам пола, и перехожу от описания умений да достоинств лекаря к делу, – Так вот, он и порекомендовал его величеству мандарину *эту* (Ну, не именно эту, конечно, а похожую!) штуковину. Волшебный, так сказать, талисман. Увеличивающий мужскую энергию Ци.

Тот, что вы сейчас снова держите в руках, действительно, сделан недавно. Я сделал этот раритет по древнему чертежу, имевшемуся там, в истёртом до дыр, и рассыпающемся от плесени, фолианте. Разумеется, по *своему* размеру. А, смею надеяться, у сира Вателя в этом плане особых со мной различий нет! Он ведь... э-э... достойнейший мужчина!

Так вот, мне эта штучка, этот волшебный талисман, отлично служил на протяжении примерно семи-восьми лет. И только потом мне пришлось как-то... э-э... разнообразить процесс

подготовки к... э-э... продлению династии. Или самому процессу! С помощью, не побоюсь этого слова, *эксклюзивных* возбуждающих методов.

Ну, а последствия вам отлично известны – я здесь уже девять лет.

Леди Наина не придумала ничего лучше, как вспыхнуть, словно маков цвет, и швырнуть мне в лицо означенную «волшебную» штуковину:

– Свинья! Дерзкая сволочь! Мразь! А ловко вы подсунули мне в руки то, что бывало у вас на ...! Небось, ещё и не помыли!.. И сейчас торжествуете, и мысленно насмехаетесь!

Я не стал уворачиваться, а принял удар прямо щекой: а вдруг «эта штучка» упала бы в огонь! Тогда – пиши пропало! Не сгорит, так покоробится и развалится. Кость же. А дубликата мне здесь – не изготовить. Однако нужно ответить:

– Вы несомненно кое в чём правы, ваше Величество.

Я именно таков, как вы описали. Однако при всей своей испорченности я и не думал оскорблять вас, или втайне смеяться над тем фактом, что вы изволили только что держать в руке то, что действительно бывало там, где вы подумали. Однако я и историю эту не выдумал специально, для, как вы могли бы посчитать, дешёвой комедии. А действительно – вычитал в Хрониках древних веков. И *точно* знаю: чёртов древний рецепт работает! И мужскому здоровью никоим образом – не вредит!

И не нужно пить никаких «чудесных» взбадривающих настоек, типа экстрактов и настоев женьшеневого корня, которые действительно помогают в этом деле, но очень быстро теряют эффективность, и приходится пить всё *большие* и *большие* дозы. – разумеется, я умолчал о том, что мне отлично известно про эти самые женьшеневые настойки, которые его Величество заказал ещё три месяца назад! – Равно, как и не нужно делать унижительного массажа через, простите, – глазами и наклоном головы показываю, – *ту* сторону организма, этой, самой важной, мужской мышцы...

А главное достоинство этой вещицы, так это тот факт, что именно вот эти самые чёртовы, столь тщательно и скрупулёзно вырезанные, чешуйки, создают у партнёрши мужчины, пользующегося таким кольцом – поистине непередаваемые, неземные, волшебные ощущения! Это кольцо именно поэтому и носит название волшебного талисмана. И уж тут я не покривлю душой, заявив, что женщина, однажды попробовавшая *такой* способ, никогда не захочет вернуться вновь к прежнему, простому и неизысканному, с позволения сказать, неутончённому, бесколечному, способу!

Только не нужно, Бога ради, думать, что я что-то навязываю вашему Величеству! Или пытаюсь поиздеваться над вашей природной скромностью, или убеждениями. Нет: я просто хочу в меру моих скромных познаний и возможностей облегчить его Величеству работу по... Созданию наследников. И, разумеется, наслаждению от способствующего этому созданию процесса. – наклоняюсь, и беру в руки упавшее возле правой ноги кольцо, – И, разумеется, я не забыл и тщательно вымыть, и продезинфицировать *это*.

Но поскольку подавать кольцо снова всё ещё готовой фыркнуть королеве я не спешу, положение пытается исправить, похоже, куда сильнее страдающая от некоей «несостоятельности», явно имеющей место в последние месяцы, леди первая фрейлина:

– Возможно, ваше Величество захочет приказать, чтоб я, как ваша непосредственная и ближайшая помощница, всё-таки *попробовала* проверить – а вдруг лорд Юркисс не обманывает, и эта... э-э... вещь *действительно* исполняет всё то, что он ей предписывает?

– Хм-м... – вижу, её Величество всё ещё гневается. А вернее – старательно делает вид, что гневается, поскольку наверняка уже и сама заинтриговалась, и не против – вот именно – попробовать! – Пожалуй. Да, леди Рашель. Я поручаю вам проверить, насколько действенна эта вещь. – и снова ко мне, с молниями в глазках, – Но знайте, лорд Юркисс: если вы солгали, и всё это лишь – вот именно – дешёвая комедия, вам просто так не отделаться! Насколько бы полезными для *Государства* ни были ваши советы!

Я – не Государство!

– Я никогда бы не посмел столь глупо и пошло разыграть вас, ваше Величество. Поскольку вовсе не горю желанием отведать, как это однажды случайно произошло с вашей уважаемой свекровью – светлая ей память! – недоброкачественных грибов!

Если я в расширившихся от вождления глазах что первой фрейлины, что её Величества, покидавших мою камеру, не увидел затаённой радости, и хищного предвкушения – я готов съесть свою шляпу. Причём – парадную, с плюмажем.

Ну, что могу сказать о ситуации.

Бедный сир Ватель. Пусть только вернётся в Клауд.

Измочалят его, как жеребца на марш-броске.

Это уж – как пить дать.

Потому что и правда: «волшебное» кольцо работает – отлично!

Между перекрытием крыши и потолком последнего, третьего, уровня оказался насыпан весьма мощный слой земли – в добрых два фута.

А грамотно, как лорд Дилени уже отмечал – во-первых, так отлично сохраняется внутри, у этого самого потолка, тепло, поднявшееся сюда от печек. А во-вторых – не проникает влага от дождя, что поливают многострадальную Тарсию и её окрестности всю краткосрочную осень. Быстро переходящую в мрачную и тягуче-долгую пасмурную зиму. Впрочем, влага сюда не проникает ещё и потому, что вся внешняя поверхность крыши – она же и помост для часовых и обороняющихся, на случай если такой редут будут штурмовать традиционными способами – покрыта почти футовым слоем отлично выровненного и монолитного известкового раствора.

Вот уж эта штука не горит и не пропускает влагу!

Так что хорошо, что враг не выстроил стены редутов из камней на известковом растворе, как сделано в Милдредде или Клауде, или не облицевал наружные бревенчатые стены хотя бы известковыми плитами. Тогда бы их план не сработал. Правда, враг наверняка тоже думал, что использовать нужно материалы – подступней, а технологию строительства – попроще. Чтоб даже полуидиоты справились. Ну, вот они и справились.

Хотя нужно отдать строениям должное – «проработали» редуты не одно десятилетие. И, судя по всему, проживать в них, и оборонять, было вполне комфортно. Собственно, даже казармы, и даже в Дробанте, не сильно отличаются в плане удобств...

Лорд Дилени вернулся с крыши вновь на третий ярус. Люк с лестницей, ведущий сюда, оказался достаточно большим: пять на три фута. И лестница широка. Да, всё сделано по уму, и с запасом. Проклятье. Похоже, доступ к древним рукописям, описывающим строительство фортификационных сооружений из доступных подручных средств имелся не только у лорда Юркисса.

Чёртов чёрный Властелин!.. Уж чего-чего, а *знаний* ему явно хватает.

А не хватает ему пока вероятней всего – ресурсов живой силы. Вопрос был только в том, *какая* именно живая сила максимально эффективна в войне с людьми.

Он точно рассчитывал отрабатывать на Тарсии каждого своих новых тварей! И разнообразные способы и приёмы нападений! Хорошо хоть, до оккупации не дошло!

Впрочем, поглядев на то, как и что устроено и организовано там, в тридцати милях от границы, так сказать, в достаточно глубоком тылу врага, лорд Дилени почти не сомневался, что оккупацией тут не обошлось бы.

Зачем лорду Хлодгару *мыслящие* рабы-слуги, если у него полным-полно безмозглых, и готовых слепо выполнять все его приказы?! И эти бессловесные рабы уж точно не поднимут никакой смуты или бунта в самый неподходящий момент. Например, когда их Хозяин будет завоёвывать земли Сапатии, Карпадоса, или Ритонии.

Так что население Тарсии скорее всего было бы попросту вырезано.

Кроме грудничков-младенцев. Мужского пола. Которых затем... Чёрт!

(С другой стороны, нужно же будет как-то пополнять естественную убыль таких вот выросших, и переделанных менталистов, когда эти, теперешние, состарятся, или по каким-то причинам погибнут. Так что небольшую популяцию людей лорду чёрному Властелину так и так придётся оставить – на развод, так сказать... Но скорее всего это будут – вот именно, тихие и спокойные, не склонные к инициативе или борьбе, «особи». Не говоря уж о том, что для оплодотворения даже сотни женщин вполне достаточно двух-трёх мужчин. Как раз обычно и бунтующих... Вот и получается нечто вроде стада породистых коров – с единственным племенным «быком-осеменителем».)

Лорд подошёл снова к огромной скамье, где сейчас по его приказу лежало, накрытое грязной простынёй, тело бывшего командира этого редута. Снова откинул верхний её край. Нет, всё точно так же и выглядит, как полгода назад, когда на фабрике по производству динозавров они убили одного из контролировавших ход процесса прислужников-пособников лорда Хлодгара. Менталиста.

Изменённая кожа лица, топорщащаяся мелкими переливчатыми чешуйками – словно у рыбы, глаза с вертикальным зрачком: огромные, явно отлично видящие в темноте...

И главное отличие: полное отсутствие половых органов.

Сейчас лорду Дилени не нужно вновь осматривать тело: он сделал это, пока оно ещё было тёплым, и кровь ещё не вся вытекла из ужасного разреза на горле: да, руководивший гарнизоном этого редута ящеро-человек просто перепилил себе горло, поскольку его персональный кинжал оказался туповат, (Похоже, никогда не использовался по прямому назначению – уж в армии Тарсии бы ему такое точно не сошло бы с рук!..) и пришлось проявить недюжинную силу. Как физическую, так и духа.

Вызывает, конечно, уважение...

И свидетельствует о том, что с дисциплиной, и трезвым подходом к ситуации, когда приказ не выполнен, у приспешников лорда Хлодгара всё в порядке. Как и с методами наказания ослушников или глупцов чёрным Властелином. И если правда то, что у него в подвале имеется некая машина, позволяющая воскрешать убитых, и он таким образом может убивать, мучительно и долго, своих провинившихся или нарушителей приказов хоть десятки раз, каждый раз воскрешая, и начиная пытки снова, то, похоже, лорд Хлодгар просто перенял кое-какие приёмы поддержания своего реноме, а заодно, вот именно – дисциплины, у гнусного мерзавца, сидящего сейчас в подвалах Клауда.

Ну, или наоборот.

Лорд Дилени снова накинул простыню на лицо, искажённое предсмертным страшным оскалом: непонятно было, то ли монстр, бывший когда-то обыкновенным человеческим младенцем, так ненавидит своих бывших собратьев, то ли просто – боится Хозяина.

Да и не суть важно. Главное – лорд Дилени теперь уверен, что *никто* не сдастся!

Даже там, в глубине вражеской территории.

Куда, однако, они двинутся, только основательно отдохнув, выспавшись, отогревшись, и отъевшись!

Отдыхать дольше двух суток, однако, не пришлось.

Вернувшийся к утру третьего дня из Клауда, находящегося от укреплений всего в пяти-шести часах езды галопом, сир Ватель приказал немедленно начать выступление.

По бодрому и весьма довольному, словно отдых прошёл превосходно, виду короля лорд Дилени сделал вывод, что отоспалось, развлеклось, отъелось, и отогрелось его Величество и правда отлично.

Экстренное заседание Штаба, на которое всех высших офицеров собрали в крайней спешке, явилось простой формальностью: его Величество просто потребовал, чтоб войска

выдвигались согласно утверждённому стратегическому плану, по намеченным направлениям. И придерживались тактики «выжженной земли», которую первым навязал им враг.

Спорить или возражать никто и не подумал.

Да и смысл? Все высшие командиры армии, кроме разве что лорда Адмирала, галерам которого снова не нашлось дела в кампании, и сами не могли дождаться, когда можно будет осуществить то, о чём мечтали их отцы и деды: беспрепятственно вторгнуться на территорию врага, теперь лишившегося основной защиты, и...

И довершить разгром, убив и остальных слуг и солдат лорда Хлодгара.

Насчёт судьбы самого чёрного Властелина, правда, столь однозначного решения пока не было. И если адмирал, лорд Хьюго Ван Ден Грааф, предлагал немедленно по пленению опасного врага казнить, прямо на месте, без суда и следствия, лорд Говард и лорд Жорес, командир первой дивизии пехотинцев, столь же упрямо желали сохранить ему жизнь до «подробного и детального выяснения всех обстоятельств». А проще говоря – собирались пытать незадачливого северного владыку до тех пор, пока не выложит всех своих секретов! А главное – чтоб ответил на вопрос, *как* сумел вскрыть подземелье Предтеч, и что нашёл там, в его недрах...

И эту позицию лорд Дилени понимал отлично: каждому ведь хочется, чтоб расшифрованные тайные рецепты, или вскрытые и извлечённые из древних подземелий чудеса военной, или гражданской техники и технологии работали на благо Тарсии!

Ну, или её владыки.

Однако этот вопрос на экстренном заседании Штаба не поднимался, поскольку в ближайшие часы и дни у армии имелась и более актуальная и животрепещущая проблема: захват и зачистка приграничных, а затем – и внутренних земель. Владений лорда Хлодгара, простирающихся, по слухам, до самого ледовитого океана. То есть – на тысячу миль!

Так что ничего удивительного в том, что все офицеры подняли руки «за», и почти тут же разошлись, чтоб начать отдавать нужные приказы и распоряжения, не было.

Лорд Дилени, тоже поднимавший руку, уходит, однако, не спешил. О том, что ему нужно задержаться, ему сказал требовательный и тяжёлый взгляд исподлобья лорда Главнокомандующего.

– Я вас внимательно слушаю, милорд.

– Присядем. – лорд Говард требовательно указал вновь на табуретки, расставленные у походного штабного стола, занимавшего центральную часть огромной, выстуженной насквозь, и сейчас опустевшей, и словно сразу ставшей больше, штабной палатки.

Они так и сделали, пользуясь тем, что поверхности сидений ещё не успели остыть после того, как их нагрели, пусть и не походными печками. Которых, кстати, его Величество во время кампаний не признавал принципиально.

– Как вы, несомненно, уже догадались, милорд полковник, я попросил вас остаться неспроста.

Лорд Дилени кивнул, не спуская взгляда с умных и немного выцветших голубых глаз, окружённых морщинками, выдающими весьма почтенный возраст лорда Главнокомандующего. Тот продолжил:

– И вы наверняка понимаете, что неспроста я приказал именно вашему специальному подразделению, а именно, прикреплённой к вашему полку роте майора Бориса, быть в «моём особом распоряжении», и непосредственного участия в работе по собственно зачистке и уничтожению контингента остальных, находящихся в глубине территории врага, блокпостов, фортов, или редутов, не принимать.

– Да, милорд.

– Так вот. Тяжёлые орудия, так называемые гарпунные арбалеты, подвезут к барачу с динозаврами, (Если только лорд Хлодгар не переместит этих тварей в другие места!) не раньше,

чем через три дня. Потому что сами понимаете: по снежной целине нужно вначале проложить дорогу, сквозь двухфутовый слой снега и сугробы, а уж только затем тяжеловозы смогут одолеть целину. Соответственно и... – вновь повисла тягостная пауза.

– Да милорд? – лорд Дилени видел, что лорду Говарду неприятно то наверняка не совсем обычное поручение, которое он собирается возложить на новоиспечённого полковника и его людей. А вернее – на майора Бориса и *его* людей. Лорд Дилени и сам был не в восторге от того, что тем, похоже, предстояло сделать, но вслух ничего говорить не стал. Хотя, конечно, догадался. Что это за дело.

И почему о нём нельзя было говорить на заседании Штаба. Но!

Одно дело – когда что-либо неприятное и не вяжущееся с честью солдата предлагаешь сделать ты сам. И у подчинённого есть выбор – делать, или отказаться.

И совсем другое – когда это – *приказ* начальства!

– Боюсь, то, что я собираюсь предложить сделать людям, входящим в состав подразделения диверсантов может показаться не соответствующим Кодексу чести, которым мы, солдаты Тарсии, обычно предпочитаем пользоваться. Но сейчас ситуация – не обычная. Да и кодекс наш, если уж на то пошло, не применим к тварям лорда Хлодгара. (Они-то нас и наших гражданских убивали без всяких «Кодексов»!) Но всё равно, я понимаю, что задача, что я хочу возложить на них, не совсем соотносится даже с общечеловеческой, так сказать, совестью и моралью. – лорд Говард прикусил губы изнутри, отведя взгляд, но снова взглянул: прямо в глаза лорду Дилени, – Ладно, довольно дурацких предисловий.

Лорд Говард наклонился ближе к лорду Дилени, и заговорил вполголоса:

– Я хочу, чтоб спецрота диверсантов, не ожидая подхода телег с гарпунами, и не сотрудничая с остальными нашими подразделениями, ускоренным маршем отправилась сразу к твердыне чёрного Властелина, и перебила там всех, кто обслуживает чёртов ангар с автоклавами!

Да-да, всех! И менталистов, и простых работников, и вообще, всех, кто окажется поблизости! И ещё... – лорд запнулся, и Дилени понял, что сейчас оно и прозвучит.

Главное.

– И ещё. На самом деле – это задание послужит для вас, то есть – для них! – прикрытием: на случай, если кто-нибудь из наших высших командиров пожелает узнать, для чего я вас здесь оставил. Или – у лорда Бориса, когда они выдвинутся. Настоящее же задание...

На самом деле рота майора Бориса, в которую людей отбирал он сам, и которая сейчас укомплектована только проверенными и надёжнейшими ветеранами, должна постараться ночью, в темноте, пробраться в сам замок лорда Хлодгара. Прикинувшись ящерами. Методы маскировки, думаю, объяснять не нужно? – лорд Дилени кивнул – ещё бы! До сих пор как вспомнишь – мороз по коже!..

– И захватить живым – если, конечно, удастся! – самого чёрного Властелина. Потому что, если не удастся живым – меня его труп, если честно, вполне устроит. Думаю, его Величество в этом случае лейтенанта и вас пожурит... Но особо гневаться не будет. Но даже если с чёрным властелином дело совсем не выгорит – тоже ничего страшного.

Потому что ещё важнее, *на самом деле*, чтоб наши диверсанты нашли, и не позволили ни в коем случае испортить, ту чёртову машину, что наши легенды называют «воскрешателем».

Вот ради этой цели люди лорда Бориса и не должны щадить. Ни жизни, ни усилий.

И это гораздо, гораздо важнее, чем даже жизнь лорда Хлодгара.

Лорд Говард замолчал. Только учащённое дыхание указывало на то, что он взволнован и обеспокоен.

Ну как же! Ведь он посылает людей практически на верную смерть!

Некоторое время лорд Дилени молчал. Смотрел он теперь на носки своих замечательно тёплых зимних сапог. Вернее – унтов, сделанных по образцу обуви чуксемосов. Затем всё же решил глянуть снова в глаза Главнокомандующему. И спросить:

– Так ваша милость действительно считает, что эта машина – не детская сказка?

– Нет, разумеется. Сам я... – лорд Говард хмыкнул, – Не верю в её существование. Хотя и допускаю, что сплетни и слухи могут на чём-то реальном основываться... Но в данном случае то, во что верю или не верю я, или вы, никакого значения не имеет.

Потому что в её существование верит его Величество. А ему о машине рассказал лорд Юркисс. А с мнением этого человека, как вы знаете, приходится считаться.

– Вы правы, милорд. – настал черёд лорда Дилени закусить губу. – Лорд Юркисс такими вещами шутить не стал бы. Да и зачем? Ведь он, похоже, понимает, что для его Величества эта машина... Очень важна?

– Думаю, да. И понимает... И важна. Если легенды не лгут, и она действительно делает то, что делает, молодость и абсолютное здоровье воспользовавшемуся машиной – гарантированы.

Но только – если она будет в рабочем состоянии.

А поскольку она, по тем же легендам, воистину огромна, и очень тяжела, и лорд Хлодгар, разумеется, не сможет захватить её с собой при эвакуации, или просто – бегстве, думаю, он обязательно постарается перед тем, как оставить замок, (Мысли о том, что он сдастся, я не допускаю!) испортить её. Привести в негодность. Чтоб не дать воспользоваться уже нам.

Лорд Дилени хмыкнул. Мысли о «сдаче» врага он и сам не допускал.

– Да, это кажется разумным. Но... Генеральным Планом, насколько я помню, предусматривается достижение нашими частями замка чёрного Властелина лишь через... семь-восемь дней? Ну, после нашего общего выступления и начала захвата земель врага?

– Да, это именно так. Потому что на зачистку и тотальный обыск всей лежащей между нами и твердыней территории, с прочёсыванием, захватом всех ферм, и обнаружением схронов и тайников нашими собаками, уйдёт никак не меньше как раз шести-семи дней. И этот самый План предусматривает начало блокирования и систематической осады оплота лорда именно через неделю.

А теперь – главное. Впрочем, думаю, вы уже и сами догадались. – лорд Говард перешёл на еле слышный шёпот:

– Если, как предполагает лорд Юркисс, при нашем Штабе есть осведомитель, или у лорда Хлодгара имеются какие-либо другие способы следить за нашими штабными совещаниями, он так и будет рассчитывать: на то, что минимум пять-шесть дней у него в запасе на эвакуацию, или что там ещё, есть! И именно поэтому я и попросил вас остаться. Потому что о том, что мы сейчас обсуждали, не должен знать больше никто. Ну, кроме лорда Бориса, разумеется. А вот своим людям он сможет рассказать о подлинных целях их похода не раньше, чем на вторые сутки марш-броска! То есть – когда они оставят далеко позади наш авангард и прочёсывающие приграничные земли подразделения нашей армии.

Поэтому. Задача этого спецподразделения не совсем, скажем так, официальна. И Штаб её не утверждал. А утверждаю её – я. Лично. Сам. Будем считать её спецзаданием.

Для спецроты лорда Бориса. Собственно, ничего удивительного в этом нет.

Иначе за каким же ...реном мы её создавали?!

Лорд Борис почесал в затылке. Глубоко вдохнул, и снова выдохнул.

Во взгляде его читались и обида, и опасение. Да что там: страх!

Лорд Дилени подумал, что оно и верно: бояться есть чего. Лорд Борис – реалист. И отлично понимает, что задача очень даже может оказаться невыполнимой! Потому что никто ведь не знает, сколько на самом деле тварей охраняет и защищает цитадель главного Врага! И не усилили ли её за эту осень и зиму ещё какими монстрообразными свирепыми тварями. И попытка вломиться туда, а тем более – обнаружить, захватить и окружить надёжной защитой чёртов то ли существующий, то ли – нет, сказочный агрегат, и удерживать оборону до подхода главных сил армии – может стоить им всем, целой роте, жизни! Да и сам агрегат...

Неужели лорд Главнокомандующий и правда – верит, что он есть?!

Лорд Дилени моргнул, явно читая все те мысли, что сейчас проносились под черепом лорда Бориса. Но сам полковник, как подумал лорд Борис, уже наверняка прошёл этот этап, и выработал линию поведения, потому что сказал:

– Да, милорд лейтенант. Я *тоже* сильно сомневаюсь в существовании чёртовой машины. Но есть два, в нашем случае, решающих, аргумента в поддержку этой гипотезы. А именно – тот факт, что лорд Хлодгар прожил в своём нынешнем теле непозволительно для обычного смертного долго... (Об этом мы уже говорили!) И ещё то, что в её существование верит лорд Юркисс. Рассказавший об этом королю. А уж тот непримянул «озадачить» лорда Говарда. А лорд Говард – меня.

– Ага. А вы, милорд – меня. – лорд Борис, кивнув, криво усмехнулся. И поскольку он уже побывал в окрестностях громадной твердыни, и оценил её размеры, высоту стен, прочность входных ворот, как и прикинул возможное число защищающих такую крепость солдат, он отлично понимал и массу проблем, возникших бы у того, кто попробовал бы «проникнуть туда незамеченным». Или вломиться силой.

А уж тем более – «захватить и удерживать чёртов агрегат».

Однако приказ есть приказ. Ну а, кроме того, возможность получить неплохие премиальные и полугодовой оплачиваемый отпуск, играют отнюдь не второстепенную роль. Собственно, раз его подразделение создавалось как элитное, и – для спецопераций, ничего удивительного в том, что как раз такая им и предстоит. Да ещё секретная. Настолько, что о ней не знает даже Штаб.

– Хорошо, милорд. Задача понятна. Разрешите только...

– Да?

– Разрешите только нам добираться до окрестностей замка верхом. Так будет и быстрее и надёжней. И пусть с нами поедет взвод конюхов – они потом приведут коней назад. А мы уж как-нибудь пройдем пешком те пять-шесть миль, на которые приблизимся к замку.

– Разрешаю. Но только – без конюхов. Армейские кони прекрасно добираются до родных конюшен и сами – нужно только дать им команду «домой!». Вы же помните, как мы отправили назад наших коней, добравшись до Энгаденской трясины?

– Да, милорд. Всё ясно, милорд. Разрешите приступить?

– Разрешаю. Продукты и запас стрел – как всегда получите у интенданта.

– Есть получить, милорд.

– И вот ещё что... Запас стрел возьмите – тройной.

– Да, милорд.

Глядя в спину уходящего лейтенанта, лорд Дилени чувствовал себя последней свиньёй. Ведь он отправил людей фактически на смерть! Потому что расчет на внезапность, конечно, позволяет надеяться на то, что они в крепость проникнут. Но не позволяет верить в то, что они смогут там продержаться достаточно долго.

Однако насчёт того, как не дать успеть погибнуть отважным (По должности!) бойцам, у него имелись кое-какие мысли. И он собирался, уже ничего не сообщая ни Главнокомандующему, ни Штабу, ни вообще кому бы то ни было, воплотить свои новые планы в жизнь. Но для этого...

Коней не жалели.

Весь короткий зимний день гнали их походной рысью, уже не скрываясь, и – прямо по, как ни странно, неплохо наезженным дорогам. Видать, сообщение и перевозка нужных продуктов и прочих весьма востребованных предметов в зимнее время на землях лорда Хлодгара вовсе не прекращались. Да и правильно: разве может полностью замереть отлично отлаженный механизм из-за такой ерунды, как заснеженные дороги и мороз?

Мясо в виде огромного приплода скота, и корма для войска, и этого самого скота запасались всё лето и осень, и теперь все эти запасы сена и мяса должны как-то перераспределяться между казармами, фермами, и огромными спецхранилищами.

Два раза отряд останавливался. Но не для отдыха людей, а для отдыха как раз коней, и трапезы. Еду взяли точно такую же, как лорд Борис брал в поход по землям Хлодгара, ещё когда не был лордом: сухофрукты, много вяленого и копчёного мяса, и сухари. Вот только вместо воды, которая замерзала, в бурдюках везли водку. А вернее – спирт.

Он, конечно, горло и кишки обжигал, и мозг дурманил и туманил, зато не замерзал. И отлично согревал тела.

А ещё, как с горечью думал лорд Борис, снимал чувство обречённости, и хотя бы частично – страха. Перед неизвестностью. Потому что никто и никогда до них не пытался вот так, нагло и практически без подготовки и разведки, вломиться в святая святых – крепость самого чёрного Властелина!

С другой стороны, именно из-за того, что так никто сделать не пытался, у них могло и получиться! Ведь лорд Хлодгар, что бы там ни говорили о его «волшебных» силах и способностях, как теперь прекрасно понимал лорд Борис – никакой не волшебник! Он, пусть и непонятным образом омолаживаемый и долгоживущий, но – человек!

Следовательно, и мыслить должен как человек.

То есть – считать, что армия Тарсии настолько мала, что на быстрый захват и полную зачистку его приграничных земель рассчитывать не приходится. И, следовательно, пока производящие методичную работу по этой самой зачистке солдаты и их тыловые телеги со всеми необходимыми запасами и осадными орудиями и приспособлениями доберутся до его твердыни, пройдёт, вот именно – не меньше недели.

За это время нужно или стянуть все оставшиеся поблизости силы в один кулак, чтоб фанатично оборонять свой оплот до последнего бойца, или...

Или уж свалить из этой самой твердыни к такой-то матери!

Потому что спрятаться или отсидеться-то – есть где!

Вон: земли лорда Хлодгара простираются к северу до самого Ледовитого океана – почти на тысячу миль! И с востока на запад – миль на семьсот. Огромная территория! (Пусть и потенциально ещё – заражённая и опустошённая войнами Предтеч!) Пойди-ка, найди! Особенно, если у тебя армия – всего на пять тысяч! Это получается – по человеку на сто пятьдесят квадратных миль! Это даже не смешно...

Так что в том, что шансов «захватить» или убить лорда Хлодгара у них маловато, даже с учётом «элемента внезапности», лорд Борис не сомневался. Как, вероятно, не сомневался в этом и лорд Дилени, практически прямо ему об этом сказавший. Что же до захвата таинственной и легендарной машины-«омолаживателя», то тут мнения разделились.

Когда лорд Борис сказал об истинной цели их рейда, на совещании ротного «микроштаба», через сутки после того, как они выступили, ветеран Борде первым высказался в том смысле, что всё это – досужие домыслы, достойные только древних побасенок бабушек-сплетниц, пугающих непослушных внуков. Да маленьких девочек.

– Ну почему же – только девочек и старух? – сержант Пауэрс, весьма желчный и колючий субъект, которого лорд Борис пригласил в свою роту лишь потому, что знал, что всё это – просто маска, чтоб скрыть душу заботливого на самом деле и весьма однозначно находящегося под каблуком у своей жены, которую он имел глупость всё ещё любить, отца, готового буквально пылинки сдувать со своих девочек-двойняшек, семьянина. – Солидные женщины тоже в это верят. Да эти женщины, они же все такие – свято верят в какое-нибудь идиотское чудо, или средство, если оно позволяет стать моложе и красивше!

Сержант Остерманн, почти пятидесятилетний ветеран, переживший и свою жену, и двух сыновей, павших в бою с крысами и летучими мышами, а вернее, от нагноения после полу-

ченных в сражении укусов, покачал седой головой, сейчас скрытой под надвинутым до самых кустистых бровей шлемом:

– А я верю в чёртову машину. И если мы её найдём, первым полезу проверять, как она работает! Потому что проклятый радикулит с годами болит всё сильнее. Уже даже встать «смирно» – и то проблема!

– Если мы её найдём! Ха! – сержант Пауэрс позволил себе усмехнуться, – Вот именно – *если* найдём! Замок чёртова лорда Хлодгара, если господин лейтенант правильно оценил его размеры с такого расстояния – не меньше полумили в поперечнике. И в высоту – я ничего не путаю? – как минимум пять этажей! – лорд Борис раздумчиво кивнул, не торопясь перебивать, – Это ж – наверняка несколько тысяч комнат, проходов, переходов, лестниц, уровней, и запутанных коридоров! И если всё там построено так, как в нашем Клауде – можно бегать по проходам и этажам-уровням хоть до второго пришествия, и ничегошеньки не найти! Ведь у нас – всего девяносто бойцов!

– Это верно. Бойцов у нас всего девяносто. Кроме того, думаю, нам не удастся – а вернее – нельзя будет! – распылить силы ещё и на обыск. По-крайней мере в первые несколько минут. Потому что если нам и удастся попасть внутрь, и пройти хотя бы за входной подъёмный мост, то *не* сражаться нам удастся лишь только до тех пор, пока нас не раскроют! А уж всё остальное время нам, боюсь, предстоит просто отбиваться от толп врагов, в попытках хотя бы сохранить свою драгоценную жизнь! – Пауэрс только что слюной не брызгал из возмущённо кривящегося рта.

– Что ж, сержант Пауэрс, сержант Борде, – лорд Борис по очереди поклонился своим командирам, – в ваших словах есть доля и здравого смысла, и правды. Найти будет трудно. И отбиваться, возможно, предстоит почти сразу. Однако!

У нас есть вот эта штука. В обиходе именуемая мозгом. И нужно постараться воспользоваться его подсказками. Поэтому. Во-он там, видите? – он указал пальцем, – Имеется крупная ферма. Похоже, там содержат коров. Так что сейчас мы заедем туда, убьём, сколько нужно для маскировки хотя бы отделения, ящеров. Наш чучельник сдерёт с них скальп вместе с кожей лица. И мы подготовим хотя бы десять человек для непосредственного проникновения. А проникнуть в замок, думаю, им удастся. Потому что наверняка сейчас все доступные лорду Хлодгару воины стягиваются как раз туда: вовнутрь! На подмогу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.